

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

СНАЙПЕР РАЗВЕДОТРЯДА

Наш человек в ГРУ

ДМИТРИЙ
СВЕТЛОВ

Героическая фантастика

Дмитрий Светлов

**Снайпер разведотряда.
Наш человек в ГРУ**

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Светлов Д. Н.

Снайпер разведотряда. Наш человек в ГРУ / Д. Н. Светлов —
«Махров», 2016 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-699-88477-3

В наши дни он был обычным студентом. Но провалившись в 1941 год и с боями прорвавшись из окружения, «попаданец» получает назначение в сверхсекретную разведшколу ГРУ. Элитная стрелковая подготовка и рукопашный бой, целеуказание и минно-взрывное дело – из «студента» готовят не обычного диверсанта, а суперснайпера и аса глубокой разведки для заброски в глубокий тыл противника. Боевым крещением для его разведгруппы становится диверсия на военном заводе по производству ФАУ-1. Затем – угон новейшего экспериментального самолета Люфтваффе. Захват куратора школы Абвера. И, наконец, совершенно «невыполнимая миссия» – проникнуть через 15-километровую охраняемую зону на территорию ставки Гитлера «Вервольф» и зажечь сигнальные огни над бункером фюрера, чтобы навести на него две дивизии Авиации Дальнего Действия...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88477-3

© Светлов Д. Н., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дмитрий Светлов
Снайпер разведотряда. Наш человек в ГРУ

© Светлов Д. Н., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Прорыв в неизвестность

Каникулы накрылись самым неприличным словом. Вместо приятного времяпровождения в кругу друзей Олегу предстояло провести лето рядом с дедом, который плохо ходит и реально нуждается в помощи. Это полбеда, по непонятной прихоти старик уехал на все лето в Белоруссию, выбрав для лечения заштатный санаторий на границе с Польшей. С родителями не поспоришь, так что хочешь или не хочешь, а придется до осени сидеть в дремучем лесу. Одно хорошо, дед вполне адекватен и любит проводить время в компании. Именно страсть к веселому общению впоследствии привела к печальным последствиям.

Едва Олег устроился в номере и разложил вещи, как его позвали на пикник. Изначальное предположение, что придется кормить комаров в обществе хромоногих старушек, разбилось о шумное сборище всех возрастов. Стол под навесом с мангалом и музыкальным центром находился на границе санаторного комплекса. Выступая в роли тамады, дед представил обществу внука, и после знакомства Олег присоединился к сверстникам. Застолье с шашлыками и вином сменилось танцами, а опустившаяся ночь потребовала развести общий огонь.

Кто-то вспомнил о празднике Ивана Купала и призвал к поиску цветущего папоротника. Олег для видимости побродил по краю поляны, затем поковырял палкой разгорающийся костер и принялся бездумно созерцать тихие воды местной речушки.

– Ты что делаешь? Идиот! Она же с взрывателем!!!

Раздавшийся за спиной истошный вопль заставил недовольно поморщиться. Он не любил пьяных, тем более всякие дурацкие выходки с непредсказуемыми последствиями. Не желая оказаться рядом с разгорающейся сварой, Олег встал и направился ближе к воде, но почти сразу был сбит наземь. Он еще успел недовольно пнуть запыхавшегося деда, как по ушам больно ударила взрывная волна. Сознание благоразумно укрылось в спасительной мгле забвения.

Пронзительный звон в голове и неимоверная тяжесть в груди вырвали Олега из беспмятства. Он с трудом сдвинул навалившееся на него тело и поднялся на колени. Где это он? Река, маленькая полянка среди дремучего леса, макушки деревьев покрыты розовыми кружевами утренних солнечных лучей. Где-то недалеко бухнуло несколько взрывов, вслед за ними послышались сухие щелчки. Сильное головокружение заставило сесть на траву, и только после этого он узнал в лежащем рядом человеке своего деда. Олег испуганно начал его тормозить:

– Дед! Дед! Что с тобой? Вставай! Деда, миленький, где это мы?

Наконец старик утробно закашлялся, медленно повернулся на бок и ворчливо потребовал:

– Руку дай! Без посторонней помощи мне не встать.

– У меня голова кружится и тошнит, – пожаловался Олег.

– Нет чтобы сказать спасибо, так он еще жалуется! Взрыв мины в костре мог начисто снести твою бестолковку.

– Какая мина? Какой костер? И вообще, где мы?

– Слабак, до сих пор еще не очухался, – сурово ответил дед.

– Где я? – тихо повторил Олег.

– Ты вчера приехал ко мне в санаторий, – участливо ответил старик. – Давай помогу встать, и потихонечку пойдем обратно.

– Не хочу в санаторий, голова кружится.

– Здесь хорошие врачи, быстро приведут в норму.

Вопреки ожиданиям за окружающими поляну соснами вместо санаторных корпусов оказался добротный дом в окружении многочисленных хозяйственных построек. Дед недовольно хмыкнул и осторожно усадил внука на крылечко. Тотчас в дверях появился мужчина с карабином наперевес и зло заявил:

– W domu nie wpuszczę, wyproś się!¹

– Откуда «Манлихер»? – нейтрально поинтересовался дед.

– Прежняя власть дала, а Советы не успели добраться до егерей, – с вызовом ответил хозяин дома.

Внук с дедом озадаченно переглянулись. Хочешь прогнать незнакомцев – прогоняй, но зачем угрожать оружием, причем боевым! Делать нечего, придется уходить, благо лесная дорога упиралась прямо в дом. Только они собрались встать, как вразнобой треснули выстрелы, у хозяина дома подкосились ноги и он рухнул на крыльцо. Старик запоздало дернул Олега за руку, и оба неловко спрятались за ступеньки. В этот момент в доме прозвучал ответный выстрел, судя по пыльному фонтанчику – упали они вовремя.

– Психбольница, а не санаторий! – нервно выкрикнул внук.

Со стороны леса ударил шквал винтовочного огня, со звоном посыпались стекла, а дверь задергалась от удара пуль. Как-то неожиданно появились фигурки солдат в знакомой по фильмам форме вермахта. Пригнувшись, они пробежали несколько метров, затем делали выстрел с колена и снова бежали к дому. Финальный бросок гранат завершился совсем некиношным взрывом. Дальнейшие действия выходили за рамки здравомыслия. Солдаты вытащили из дома парня с карабином, затем женщину с двумя девочками и без разговоров закололи штыками прямо перед крыльцом.

– Крепись, – крепко сжав руку внука, прошептал дед. – Не вздумай кричать или вставать.

На самом деле Олег не мог ни шевелиться, ни думать, ни говорить. Он смотрел на собирающиеся в лужицы ручейки крови, на спокойные лица людей в немецкой форме времен Второй мировой войны и ничего не понимал. Подобного не может происходить! Слишком реально для галлюцинации или бреда после контузии. Вот один из солдат небрежно стащил с крыльца мертвого хозяина дома, указал на дверь и добродушно сказал:

– Erlaube abholen alle sachen, fahren mit uns².

– Быстро! – дед потянул внука за руку. – Ищи сапоги, пиджаки и шляпы!

– Ты чего? Сам только что велел сидеть мышью! – выходя из ступора, запротестовал Олег.

– Не топчись бараном! Он приказал собираться и ехать с ними.

– Шляпы зачем?

– Сейчас такая мода, вперед! – Дед силой затолкнул внука в дверь.

Спешные сборы прервал требовательный стук прикладом в оконную раму. К этому моменту они нашли заплечные торбы, сложили туда «модную» одежду и запас продуктов. Предусмотрительный дед вышел к немцам с большим оковалком сала и под довольный хохот протянул его ефрейтору. Олегу было не до смеха, две запряженные телеги посреди двора ясно указывали на его дальнейшую судьбу.

– Что делать, деда? Я лошадей только в цирке видел, – уныло шепнул он.

– Не суетись и включи мозги. Я сяду на первую подводку, а ты на вторую. Тряхнешь вожжами, и лошадка сама потопает вслед.

Ехали недолго, очередной изгиб лесной дороги открыл место кровавой стычки. На дороге лежали убитые лошади, а чуть дальше на обочине отдыхал взвод солдат. В стороне, рядом с опрокинутой телегой, сиротливо стоял перекошенный миномет. Кровь, вермахт, трупы, абсо-

¹ В дом не пушу, убирайтесь! (польск.)

² Можно забрать все, поедете с нами (нем.).

лютный сюрреализм происходящего заставил Олега с силой постучать себя по голове. Что произошло? Почему он реально участвует в событиях чуть ли не столетней давности? Собирая в доме егеря подходящие вещи, они нашли в чулане кринку молока и успели на ходу перекусить. Так что умопомешательство после контузии исключено, тем более синхронное для двоих.

– Arbeit! Schneller!³ – резко выкрикнул сопровождавший их немец и указал рукой на трупы.

– По пять трупов на телегу, больше лошадь не потянет, – шепнул дед.

Работу выполнили быстро, причем дед не забыл вытащить из карманов и передать сопровождающему солдатские книжки. Вместо благодарности тот указал на обочину и приказал:

– Alle! Sie hier!⁴

– Всех так всех, – покорно ответил дед.

Они принялись за остальные тела, укладывая их вдоль дороги в ряд. Затем старик снова собрал солдатские книжки с медальонами и передал немцу, а внук свалил в кучу раскиданное оружие. Новых распоряжений не последовало, сопровождающий продолжал сидеть на земле, облокотившись на колесо телеги.

– Пойдем, поищем наших, они заслужили христианское упокоение, – предложил дед.

– Это сорок первый год, да? Как мы здесь оказались? – растерянно спросил внук.

– Ты спрашиваешь меня? Кто все время твердил о продвинутой молодежи и отсталых стариках?

– Не злись, перемещение во времени физически невозможно, – заявил Олег.

– Незачем попусту разглагольствовать о возможностях физики! Нам надо выжить и выбраться к своим, – раздраженно ответил дед.

– Хочешь зайти в лес и дать деру? – предположил внук.

– Не тупи! Куда бежать? Двое русских без документов в белорусской глубинке! Пограничники или немцы расстреляют нас без разговоров!

– От немцев спрячемся, а нашим расскажем много важных и полезных сведений, – возразил Олег.

– Ага, особенно о развале СССР и разгоне КПСС. Вмиг всадят пулю в затылок, – ехидно заметил старик.

Внук продолжал настаивать на важности их знаний для государства, которые обязательно помогут в кратчайшие сроки разбить врага. Дед внимательно смотрел по сторонам, лишь изредка делая язвительные замечания. Наконец они нашли место засады, где сложили головы четверо бойцов.

– Посмотри, сколько гильз! – воскликнул Олег.

– Били двумя «Дегтяревыми» и ушли под обстрелом минометов, – ответил дед.

Погибших пограничников похоронили у самой дороги, поставив в изголовье православный крест. После осмотра противоположной стороны дороги нашли еще одного погибшего. По всей видимости, он забросал гранатами минометные расчеты и ценой жизни помог товарищам отступить.

– Далековато от границы отошли пограничники, – аккуратно выравнивая могильные холмики, заметил внук.

– Бестолочь! – возмутился дед. – Ширина погранзоны до полусотни километров! Причем погранзаставы стоят на всю глубину.

– Глупость несусветная, – сделал вывод Олег.

– Во время войны эта «глупость» позволила надежно защитить наш тыл от проникновения диверсантов.

³ За работу! Быстро! (нем.)

⁴ Всех! Сюда! (нем.)

– Вот уж не ври! – фыркнул внук. – Все знают, что тыл патрулировали войска НКВД.
– Тоже мне «знахари». Между прочим, пограничники входят в состав НКВД, а немцы одевали диверсантов в форму внутренних войск, поэтому их отлавливали словно цыплят.

– А Смерш...

– Создали дураки или маньяки коммунизма? – ехидно прервал дед. – В реале это пост пограничного перехода с обязанностью проверять документы.

– Кто, по-твоему, ловил и допрашивал шпионов? – не сдавался внук.

– Ты никогда не слышал слова «контрразведка»? – парировал дед. – Это структурное подразделение ГРУ начинается от штаба полка и заканчивается Генеральным штабом.

Разгорающиеся дебаты прервал шум подъезжающего грузовика. Из кабины вышел офицер и почти сразу начал орать на сопровождающего. Тот сначала оправдывался, то и дело указывая на деда, но, увидев в руке командира пистолет, смолк и поник.

– *Zu mir, schnell!*⁵ – приказал офицер, затем резко спросил: – *Du hast Dokumente?*⁶

– Так велел господин офицер, – с покорным поклоном ответил запыхавшийся старик и указал на сопровождающего.

Понятен был ответ или нет – осталось неизвестным, но вопли офицера в адрес солдата многократно повторяли слово «трибунал». Дед с внуком осторожно отошли к машине, где Олег тихонько спросил:

– С чего это разгорелся сыр-бор?

– Они будут хоронить своих солдат на воинских кладбищах, а собранные в кучу документы потребуют опознания тел.

Трясаясь и подпрыгивая на брусчатке, грузовик катил по пустынным улицам маленького городка. Ближе к центру дома начали подрастать до двух этажей, зияя разбитыми витринами магазинов. Неожиданно скрипнули тормоза, а вскочившие солдаты открыли беглый огонь.

– Адзенне, абутак⁷, – прочитал вывеску Олег и сжался в комочек. Немцы стреляли в толпу горожан.

– Круто наводят порядок, – покачал головой дед. – Мародеров без суда и следствия сразу на тот свет.

– Насколько я знаю, на оккупированных территориях никогда не было ни тюрем, ни суда, ни следствия, – отозвался внук.

В этот момент прозвучала новая команда, Олегу всучили карабин и указали на вход в магазин. Он чуть было не прыгнул с машины, но вовремя спохватился и сначала помог слезть деду, который тут же схватил внука за руку:

– Стой! Не ходи туда.

Когда грузовик скрылся за домами, старик направился на противоположную сторону улицы.

– Ты куда? Вдруг они быстро вернуться, и мы огребем вагон неприятностей, – заволновался Олег.

– Для начала прочитай вывеску, затем заходи в вестибюль, – рассерженно ответил дед.

Одна табличка на стене гласила: «Горком партии», другая: «Горком комсомола», но зачем туда идти, внук так и не понял. Решив не озадачивать себя догадками, выбил прикладом дверь и, как было сказано, остался в вестибюле. Зато дед удивил, добравшись до доски с ключами за стойкой вахтера, принялся методично шарить по кабинетам. После полутора часов неведомых поисков они перешли в соседнее здание под вывеской «Горотдел НКВД». Когда на

⁵ Ко мне, быстро! (нем.)

⁶ Ты собирал документы? (нем.)

⁷ Одежда, обувь (бел.).

улице послышался цокот копыт и стук колес, оба стояли у разграбленного магазина, только у входа не было ни раненых, ни убитых.

– Fahr in die Kommandantur⁸, – приказал дородный немец и передал Олегу вожжи.

– Мы должны объехать центральную площадь и мотать из города на юг, – устраиваясь на козлах, сказал дед.

– Ты уверен? – засомневался внук. – Есть ли смысл забираться к немцам в тыл?

– Какой тыл? Надо пересечь дорогу Брест – Москва и уйти в Полесье.

– В таком случае проще двинуть на восток.

– Чему тебя в школе учили? – возмутился дед. – Группа армий «Север» катит через Каунас на Псков. Группа армий «Центр» послезавтра войдет в Минск. А между ними все войска Белорусского военного округа.

– Ну и что? Мы вдвоем спокойно проскользнем, – не сдавался внук.

– Между немецкими клиньями всего семьдесят километров, а топтать нам почти тысячу километров. Лично я выйду к линии фронта под Новый год.

– Через Полесье ближе? – язвительно спросил Олег.

– До ближайшего областного центра всего полторы сотни километров, а там вокзал, паровоз – и ту-ту, – усмехнулся дед.

– И никаких немцев? – усомнился внук.

– У нас в запасе достаточно времени, в тех краях они появятся через три недели.

– Странно, неужели между ударами в центре и на юге такой огромный разрыв? – озадаченно спросил Олег.

– Ты хоть раз смотрел на карту начала войны? Группа армий «Юг» перешла границу в сотне километров южнее нас и сейчас беспрепятственно идет на Киев.

– Совсем непонятно, а где Советская Армия?

– Красная Армия, – поправил дед. – Перед войной венгры с румынами выступили в роли «дразнилки» и Генштаб сосредоточил основные силы на юге. Сейчас Одесский и Киевский военные округа ведут успешное наступление.

– Поэтому почти все танки и самолеты оказались брошенными? – догадался внук.

– Верно замечено. Топлива нет, вагонов нет, а немцы в трехстах километрах от Киева.

Олег по-новому посмотрел на своего деда. Бывший главный инженер авиаполка за время службы сменил много гарнизонов, в том числе на территории Белоруссии. Сейчас, когда они невероятным образом оказались не просто в прошлом, а в смертельно опасной ситуации, жизненный опыт старика оказался спасательным кругом.

К вечерним сумеркам пыльный проселок уперся в дорогу Берлин – Москва. Грузовики, телеги и трактора с пушками стояли на обочине сплошной стеной. Дед в очередной раз оказался прав – к заходу солнца немцы встали на ночлег. Олег внутренне сжался и невольно втянул голову в плечи, а внешне безмятежный старик даже ни разу не понукнул лошадь. Колеса телеги набатным боем прогромыхали по брусчатке и снова бесшумно покатали по песку.

– Смотри, они кого-то подстрелили, – тревожно зашептал внук и указал на смешную легковушку с распахнутыми дверьми посреди дороги.

– Не подстрелили, а расстреляли, – поправил дед и указал на трупы у деревьев.

Олег опасливо посмотрел на немецких солдат у костров и сжал кулаки. Придет время, когда всех их убьют и он не останется в стороне. Тем временем старик остановил лошадь, мимоходом заглянул в машину и направился к убитым.

– Совсем очумел, да? Здесь же немцы кругом! – встревожился внук.

– Бери лопаты, надо по-людски захоронить, – последовал спокойный ответ.

⁸ Езжай в комендатуру (нем.).

Водителя и трех пассажиров убили выстрелами в затылок, поэтому Олег старался не смотреть на тела. Первыми в могилу опустили двух парней, затем политработника НКВД с двумя шпалами в петлице. Когда взялись за шофера, к ним подошел офицер с группой солдат и поднял с земли полевую сумку. Равнодушно глянув на ячейки с «химическими карандашами», он заинтересованно достал две обычные толстые тетради. Одна оказалась девственно чистой, а вторая почти вся заполнена, причем каждая запись начиналась с даты и времени. Брезгливо выбросив завернутые в бумагу бутерброды, он достал бутылку и спросил:

– Bier?⁹

– Лимонад, – непроизвольно ответил Олег.

Еще раз осмотрев кирзовую сумку, офицер бросил ее наземь и отправился восвояси. Солдаты немного погалдели и вскоре вернулись с двумя котелками перловки с резким запахом маргарина. Голод не тетка, с утра не евши, дед с внуком набросились на угощение. На сытый желудок ехать не хотелось, тем более в неизвестность, поэтому решили встать на ночлег.

Сладкий сон Олега не потревожили ни утренние лучи солнца, ни команды фельдфебелей, ни грохот техники на брусчатке. Намного позже сквозь сладкую дрему он отметил разговор деда с немцами. Затем рядом прострекотали мотоциклы в сопровождении завывающего грузовика. Через некоторое время гулко захлопали двери и зарычал мотор «Эмки», на самом деле легковушка называлась «Молотовец». Все эти звуки заставляли лишь ворочаться с бока на бок. Проснулся Олег от тихого стука. Приоткрыв один глаз, увидел деда, который что-то мастерил на ободке колеса, и невесело пошутил:

– Собираешь микросхему для полета назад в будущее?

– Документик тебе сварганил, броня, а не документик. Противотанковый снаряд отскочит, держи, – ответил тот.

Олег осторожно взял в руки тонкую серенькую книжку комсомольского билета, где было написано «секция Коммунистического интернационала молодежи». С фотографии смотрел обычный парнишка, получивший билет в Кировском райкоме города Ленинграда.

– Что тут особенного? – опуская документ во внутренний карман пиджака, равнодушно спросил внук.

– Эх ты, балбес! Откуда тебе знать о нюансах советского периода. Смотри! – С самодвольной усмешкой дед рассыпал по земле новые и заполненные комсомольские билеты.

– Ну и ловкач! Вот почему шарил по карманам и шакалил по кабинетам! – засмеялся внук.

– Сейчас технически невозможно надежно защитить документ, и власть придумала дополнительные знаки, точки или черточки. Вот и пришлось собирать целый ворох.

– Не понял? Зачем складывать мозаику, если проще взять любой подходящий документ.

– Таких умников сразу ставят к стенке, – усмехнулся дед. – Тебя поймают на говоре, отсутствии акцента или вопросом о номере школы.

– погоди, а что ты переделал? – заинтересовался внук.

– Один из расстрелянных вчера парней был из рабочих, а ты студент, вот и пришлось менять листы с членскими взносами.

– Ладно, про школу я навру, она довоенная, и доску почета помню. Что плести о вузе?

– Ты не окончил Ленинградский автодорожный институт Наркомата внутренних дел, что находился в Чесменском дворце, – ответил дед.

– Хорошо, и здесь выкручусь, а почему не закончил? – допытывался внук.

– Держи еще одну бумаженцию, это направление горкома. Тебя послали в западные области Белоруссии для укрепления местного комсомола.

⁹ Пиво? (нем.)

Олег с любопытством прочитал бумагу, переполненную лозунгами и пиететом к Сталину. Затем приступил к изучению другой серенькой книжки под названием «паспорт», где стоял штамп о выписке с пометкой: «Отбыл по решению Горкома ВЛКСМ к новому месту назначения». Два последних документа заставили невольно улыбнуться, это были удостоверения, один на право управлять мотоциклом, другой – автотранспортом. Крутой парень по нынешним временам!

– Деда, я теперь Олег Осипович, а ты так и остался без документов?

– Нет, товарищ Антохин, я Федор Кузьмич Решетнев, заготовитель Брянского облпотребсоюза.

– В НКВД бумаги надьбал! – догадался внук. – А чем этот союз занимался?

– Слово «сельпо» слышал? По-новомодному я менеджер по закупкам. Реального владельца документов тормознули в погранзоне для выяснения личности.

– Лишние бумаги сжег? – поинтересовался Олег.

– Спрашиваешь! У тебя под боком полевая сумка, там пакет за сургучными печатями и несколько запечатанных конвертов. Держи при себе. – Дед подбросил в огонь несколько толстых веток и помешал угли.

Внук начал шарить вокруг себя, наткнулся на «Манлихер» и заорал:

– Дед, ты совсем свихнулся? Вокруг полно немцев, а ты карабин везешь!

– В ящике под лавкой найдешь три польских пистолета, – отозвался тот.

– Рассудок помутился? За такие шутки первый встречный патруль пустит нас в расход! – не на шутку разозлился внук.

– Они еще не пуганые и равняют нас с покорными европейцами. Слезь с телеги и впрягай коня, он уже наотдыхался.

Жеребец привычно вошел меж оглобель и вытянул голову под хомут, на этом успехи Олега закончились. Вконец запутавшись в шлейках, ремешках и тесемках, он призвал на помощь деда. Вдвоем они долго изучали устройство гужевого транспорта и решили проблему благодаря следам предыдущих креплений.

Конь неспешно тронулся в путь, а старик насел на внука с политическим ликбезом. Как-то неожиданно деревья разбежались в стороны, и повозка оказалась на въезде в маленький городок. Трясаясь по булыжной мостовой, они молча разглядывали безлюдные улицы. Тишина показалась особенно оглушающей, когда проезжали железнодорожный переезд. Наконец копыта застучали по деревянному настилу моста, и дорога запетляла между лесом и рекой. Город с бледными лицами за стеклами окон оставил гнетущее впечатление, и разговаривать больше не хотелось.

– Слышишь? – встрепенулся Олег. – Вроде пушка стреляет. Надо переждать.

– Не спеши, винтовочный выстрел слышен за полкилометра, над рекой еще дальше, – спокойно ответил дед.

По мере приближения выстрелы пушек начали учащаться, затем к ним добавилась звонкая дробь малокалиберной артиллерии. Конь вздрогнул и остановился, почти тотчас в непосредственной близости застрекотали пулеметы. Старик резво спрыгнул с телеги и повел жеребца в лес. Едва дорога скрылась из вида, он приказал:

– Карабин в руки и бегом на позицию!

Олег поспешно вернулся к дороге, лег за самое толстое дерево. Вскоре пришел дед и демонстративно покрутил между пальцами патрон. Курс молодого бойца начался с выбора правильного места, которое давало не только укрытие. С новой позиции открывался отличный обзор дороги с возможностью безопасно перебежать в тыл или на фланг. Убедившись в готовности внука, старик с двумя пистолетами зашагал на звуки выстрелов, где явственно добавилась винтовочная трескотня.

Олег почти не запомнил дальнейшие события. Когда появился скачущий по ямам и ухабам мотоцикл, он почти сразу выстрелил, затем еще и еще. Попал с третьего раза, после того как тот остановился, а сидящий в коляске солдат начал разворачивать пулемет в сторону леса. В прицеле появился прихрамывающий на обе ноги дед и почти в упор уложил пулеметчика. Показав внуку кулак и покрутив пальцем у виска, сел за руль и укатил за поворот.

На дороге показались отступающие немцы, Олег снова нажал на курок и услышал сухой щелчок. Патроны! Где они? Непослушные пальцы отказывались заряжать оружие. Со стороны поворота застучал пулемет деда, одновременно на реке появились смешные моторные лодки с пулеметными башенками в носу. На голову посыпалась кора вперемешку со щепками, и Олег пополз назад.

Мысль о брошенном старике и страх остаться в одиночестве заставили закатиться под дерево и встать на колени. Прямо на него бежал немец, причем смотрел он назад, а не вперед. Пистолет, у него в кармане остался пистолет! Выстрел, второй, третий, и солдат картинно рухнул. В тот же миг пуля со звоном срикошетила от дерева. Еще один, слева за деревом! Испуганно метнувшись в сторону, Олег неожиданно оказался рядом с убитым и упал рядом. Нахлынувшую панику остановил холодный блеск штык-ножа.

Вот он, шанс! Почувствовав в себе уверенность, он взял карабин и начал внимательно осматриваться. Никого, лес словно вымер. Но нет, чуть справа из-за дерева виднеется край каски. Олег тщательно прицелился, а когда показалась голова, хладнокровно нажал на спусковой крючок. Немец неожиданно встал, покачнулся и рухнул навзничь. Убит или нет? Остались в лесу враги или все перебиты? Сидя на месте, ничего не узнать, и он решительно пошел вперед. Солдат лежал на спине, суетливо шаря руками в поисках выпавшего оружия.

– Тебе не жить на нашей земле! – яростно выкрикнул Олег и пронзил штыком грудь.

– Молодец, парень, снайперский выстрел! И добил грамотно, без лишнего расхода патронов!

Незнакомый голос вырвал Олега из оцепенения, к нему подходила цепь черных людей. Рука нырнула в карман к спасительному пистолету.

– Кто такие? – срывающимся голосом выкрикнул он.

– Братва! Перед нами настоящий боец! Бесстрашно на взвод с ножичком в кармане!

По мере сближения Олег с удивлением распознал матросскую форму с широченными брюками клеш и нашивками на рукавах. Военно-морской флот? Здесь, в белорусских болотах и лесах?

– Как вы сюда попали? – произвольно вырвался вопрос.

– Полк морской пехоты Кронштадтского гарнизона прибыл для усиления Пинской военной флотилии! – браво доложил матрос с лычками главстаршины на рукаве.

– Третий экипаж у Петровского канала? Красивая у вас казарма и плац шикарный! – воскликнул Олег.

– Питерский, что ли? Давно здесь?

– Позавчера приехал, и вот тебе приветик по голове.

– Братва! Это наш земля! Только что из Питера приехал! – крикнул главстаршина.

Как выяснилось, в Пинске объединили Днепровскую военную флотилию с кораблями Вислянской флотилии. Польские офицеры надели советскую форму, а рядовой состав пришлось заменить. В том числе передислоцировали в Белоруссию полк морской пехоты.

Дружеские объятия со шквалом сумбурных расспросов прервал душераздирающий вой сирен. Почти сразу по ушам ударила разноголосица артиллерийской и пулеметной стрельбы. Вместе с матросами Олег побежал к берегу, но звук авиационных моторов заставил плюхнуться наземь. Медленно потянулись минуты, наконец в отдалении бухнули взрывы бомб. Пушки послали вслед несколько снарядов, затем над водной гладью разнесся приказ:

– Десанту срочно на корабли! Уходим к Городецкому мосту! Немцы открывают Муховецкий шлюз!

Стоя на берегу, Олег смотрел на маленькие кораблики с непропорционально большими пушками. Окруженные крошечными моторными лодками, они резво уходили прочь.

– До середины июля немцы не сунутся дальше этого места. Так что поздравляю с выходом из окружения.

– Ты знал о бое у реки? – отрешенно спросил внук.

– В музее флотилии этому событию посвящен целый зал. Иди за мотоциклом, скоро сам все увидишь.

Посмотреть было на что. Некая гигантская рука разметала на пригорке пушки двух батарей. На дороге чадила колонна танков, причем от некоторых остались лишь гусеницы. Готовя позицию, немцы поленились вырыть окопы, за что поплатились сотнями жизней. Три речных кораблика с четырьмя моторными лодками уничтожили полк мотопехоты в несколько минут!

Первым делом Олег собрал канистры с бензином и аккуратно сложил в коляску. Затем добавил пару пистолетов «Люгер» и отправился помогать старику. Табунок ездовых лошадей мирно пассив на обратном скате пригорка. Дед отобрал только неклеимых, и вскоре в простую деревенскую подводу запрягли две пары цугом. Затем привели еще двух и подвязали сзади за уздечки.

Пока старик собирал документы, Олег забрался в изрешеченный пулями вездеход неведомой марки «Stoewer». Внутри простенько до аскетизма, зато в сумке убитого офицера нашелся широкоплечный фотоаппарат-гармошка. На радостях сделал фотосессию результатов учиненного речниками разгрома.

– Хватит развлекаться, поехали! – позвал дед. – Держись сзади и не пугай лошадей.

– Я нашел неизвестную доселе машину «Stoewer», – отозвался внук.

– Союзники сровняли завод с землей, а после войны он оказался на территории Польши. Позже начал выпускать нашу «Победу» под маркой «Варшава».

– А почему здесь мотоциклы «Цундап» и ни одного «БМВ»? – продолжал допытываться Олег.

– «Цундап» изначально армейский мотоцикл, как наш «Промет-600», который с тридцать второго выпускался в Питере, Серпухове и Таганроге. Вермахт получил «БМВ» в сорок четвертом, когда рухнуло общее производство.

– Затем «БМВ» стал «Уралом»?

– Вот дурень! – разозлился дед. – «БМВ» забрали американцы и назвали «Харлей-Дэвидсон».

– Неправда! – воспротивился внук.

– Посмотри справочник. «Промет-720» образца тридцать девятого года выпускался в Москве, Горьком и Киеве, в сороковом Ирбитский завод изменил марку на «Урал М-72».

– Американцы с англичанами не вывозили немецкие заводы! – не сдавался Олег.

– Им хватило чертежей и ученых. У нас до Волги руины и минные поля. Все заводы Белоруссии и Украины раньше были немецкими.

– Хочешь сказать, что заводы привезли без технологий?

– Хочешь сказать, что сейчас живут идиоты? У каждого завода есть перспективные разработки! К примеру, мотоцикл «Днепр» – это «Цундап», на котором ты сидишь, – парировал дед и щелкнул кнутом по траве.

На этот раз они ехали заметно быстрее, четыре свежие лошадиные силы бодро катили телегу. Зато Олега мотало на не заметных ранее колдобинах проселочной дороги. Вроде небольшие ямки и бугорки коварно били по рулевой вилке, норовя вырвать из рук руль. Мучения закончились через час, когда они въехали в притулившуюся к шлюзу деревню. Увидев

приткнувшую к берегу моторную лодку со смешной пулеметной башенкой, дед протянул внуку вещмешок:

– Здесь собранные у немцев документы. Передай старшему по званию и фотоаппарат не забудь.

Олегу не хотелось расставаться с забавным антиквариатом, но здравомыслие восторжествовало. Фотки не перегибать на компьютер, а затея с всякими химикатами и печатью в темной комнате его не прельщала.

– Братки, мне командира надо увидеть! – и осторожно постучал по стальному корпусу.

– Зачем он тебе? – В кокпите оказался матрос в робе.

– Гостинцы передать, что забыли забрать после боя. – Олег показал вещмешок.

– Мы здесь дежуриим, а те ушли к Городецкому мосту. Командир на стенке шлюза уровень воды промеряет, с ним говори.

Старшина первой статьи без лишних вопросов забрал документы с фотоаппаратом, затем торжественно отдал честь и дружески похлопал по спине. Олег бегом вернулся к деду, который в его отсутствие успел обзавестись поросенком, козой и дюжиной кур.

– Входишь в роль закупщика сельхозпродуктов? – съязвил внук.

– А то! По случаю муки с крупой прикупил, зерна немножко. – И похлопал ладонью по мешкам.

– Привал бы устроить, ты всю дорогу в телеге жевал, а я с утра не евши, – предложил Олег.

– Меняемся местами, садись осторожнее, под рукой теплый хлебушек с колбасой и молочко прям от коровы.

Умеет дед говорить с людьми! За каких-то десять минут и продукты достал, и живностью для полноценного подворья обзавелся. Плотный перекус потянул на дремоту с философскими раздумьями. У места боя было сказано о выходе из окружения, но они шпарят дальше без остановки на отдых. Почему? Телега завалена мешками и скотинкой, по объему это не может быть подарком. Откуда деньги? И вообще, зачем набрали чуть ли не табун лошадей, а теперь добавили животных? Спешим к поезду с поросенком в обнимку и козой на веревке?

Чем дальше ехали, тем сильнее становилось удивление. Они останавливались в каждой деревне, дед сразу шел в сельсовет, показывал документы заготовителя и пытался в чем-то убедить местное начальство. Загадка разрешилась в небольшом селении у засеянного льном поля. После разговора с председателем сельсовета они завернули к аккуратному домику с выходящим к реке ухоженным огородом. Буквально несколько часов назад отсюда выехала еврейская семья. Начальник увел одну пристяжную лошадь, а вернулся с подтверждающей право на домовладение бумагой.

– Ну-ка, деда, поясни мне сей фортель с покупкой дома! – потребовал Олег.

– Самому лень извилиной шевельнуть? Я здесь останусь, а ты дуешь дальше, – спокойно ответил тот.

– Как это остаешься? Я тебя не брошу! Вместе едем! – решительно заявил внук.

– Хорошо, – согласился дед, – для начала расскажи план нашей поездки.

– Едем в областной центр и садимся на поезд до Волги. Там я тебя устраиваю, а сам иду воевать.

– Допустим, никто не обратит внимания на твои ленинградские документы, а меня не спросят о причинах бегства из Брянска.

– Главное, убраться отсюда, а там подыщем удобное местечко, – уверенно заявил Олег.

– Я хочу услышать определение разницы между этой деревней и неведомым местом на берегах Волги, – усмехнулся дед.

– Здесь начнется партизанское движение и зверства карательных отрядов. Я хочу спокойно воевать без опасения за твою жизнь!

– Воевальщик нашелся! Сейчас на фронт посылают только с опытом Гражданской войны. Возраст двадцать пять – тридцать пять собирается в Среднем Поволжье в качестве резерва.

– Неправда! У Вадика деда призвали в шестнадцать! – возразил внук.

– Было в прифронтовой полосе, согласен. Молодежь до двадцати пяти увозили на Дальний Восток, а вернули в октябре сорок второго под Сталинград.

– Ты мне зубы не заговаривай! Два дня на отдых и едем дальше! – выкрикнул Олег.

– Тише, тише. – Дед приложил палец к губам. – Мы здесь задержимся на недельку.

– А дальше поедем вместе, – твердо заявил внук.

– Что будет написано в твоём дипломе?

– Факультет: «Конструкции летательных аппаратов», специальность: «Инженер по производству ракет».

– А кем хочешь воевать?

– Кем пошлют, тем и буду! – с вызовом ответил Олег.

– Ты без труда организуешь производство ракет средней дальности. Где от тебя больше пользы – в КБ или в окопе? – с ледяным спокойствием спросил дед.

– У тебя есть план! – догадался внук.

– А его реализация требует абсолютного инкогнито. К тому же я физически не осилю современную железную дорогу.

Олег полностью отдался заготовкам продовольствия. С рассветом отправлялся на реку, которая в реале оказалась каналом водной системы из Днепра в Вислу. Выбрав из сетей рыбу и собрав в ловушках раков, сел за завтраком. Затем заправлял коптильню и отправлялся с местными ребятами ловить в ставках. Дед с утра до вечера сидел за столом и писал, писал и писал. Его напоминание о специальности инженера по производству ракет было проигнорировано.

Дело не в том, что Олегу учиться еще год, все намного прозаичнее. Полный комплект документов по «Фау-1» доставлен в Москву в сорок втором, по «Фау-2» в сорок четвертом. В Казани незамедлительно собрали аналоги, провели испытания и начали работы по «нормальным» баллистическим ракетам и крылатым ракетам авиационного базирования. Немецкие пугалки способны лишь преодолеть Ла-Манш, в условиях серьезной войны дальность поражения должна быть как минимум в пять раз больше. На Лондон упало чуть более тысячи ракет, на Москву каждую ночь летало по двести бомбардировщиков.

Глава 2

Важное задание

Через деревню проехал верховой посыльный, и по домам побежал тревожный шепоток. На другой день власть вместе с участковым укатила в область, и волнение усилилось. Немцы взяли Бобруйск и повернули на юг, что предвещает полное окружение Полесья. К деду зачастили селяне, для них русский заготовитель оказался бóльшим авторитетом, чем представители советской и партийной власти.

После обеда Олег переварил сорную рыбу в муку и начал развешивать мешочки на просушку. Его внимание привлек послышавшийся на канале треск мотора. Дозорные катера меняются каждое утро. На этот раз военные возвращались в неурочное время, причем на корме сидели пассажиры в непонятной форме, а некоторые из них с винтовками. Событие требовало незамедлительного обсуждения, и он побежал к деду.

– Флотилия уходит на защиту Гомеля, забирая с собой персонал шлюзов и охрану НКВД, – пояснил тот.

– Мне пора собираться? – предположил внук.

– До города сто километров, на мотоцикле долетишь за пару часов. Так что время есть, уедешь завтра после обеда, – ответил дед и склонился над тетрадь.

Олег выкатил из сарая мотоцикл и начал разбирать вещи. В качестве дорожной одежды выбрал темно-синий бостоновый костюм и щегольские хромовые сапоги. Все прочее уложил в трофейный ранец, включая одежду из двадцать первого века. По словам деда, у молодежи Ленинграда середины тридцатых джинсовые костюмы считались писком моды. Сверху бросил купленные в сельпо туалетные принадлежности. Кстати, одеколоны «Черная маска» и «Табак» обладали изысканным ароматом. С утра дед озадачил неожиданным заявлением:

– Тебя направили в «Сталинградское военно-авиационное училище летчиков имени Сталинградского Краснознаменного пролетариата».

– Кто направил? – растерялся Олег.

– В это училище принимают только по направлению комсомольских организаций. Бумаги пересылают отдельно, поэтому можешь ехать спокойно.

– А там от ворот поворот и что дальше?

– С твоим уровнем знаний и физическим развитием? Не прогонят, в крайнем случае получишь отличный повод для легализации в городе.

Олег вынужден был согласиться с доводами деда. У него появилась конкретная цель, а наступление немцев исключало обратное возвращение.

– Как я объясню незнание белорусского языка? – спохватился он.

– Ты Ленинградский, отца направили на партийную работу в Пинск. Придется немного погулять по городу, только не суйся к причалам Военной флотилии.

Погулять Олег был согласен. Шаря по кабинетам НКВД, вместе с документами заготовителя дед забрал толстенный лопатник¹⁰ с астрономической суммой. Так что деньгами его обеспечат, и, ухмыляясь, предложил:

– Лучше запиши запретные адресочки.

– Балбес! До сих пор пулемет на коляске не закреплен по-походному! Въедешь в город и сразу в комендатуре сдашь трофеи!

Олег не собирался раскатывать по неизвестному городу на мотоцикле с пулеметом, тем не менее огрызнулся:

¹⁰ Портмоне большого формата (*жарг.*).

– Я хотел в тире пострелять и девочек покатать.

Проигнорировав реплику внука, дед положил на стол пакет из плотной бумаги с броской надписью по диагонали: «НКВД СССР Фельдъегерская служба». Затем демонстративно повернул обратной стороной, где оказалась хитроумная прошивка шпагатом, завершающаяся пятью сургучными печатями, и сказал:

– Это самая сложная часть твоего задания. Постарайся передать непосредственно фельдъегерю, причем как можно ближе к Москве.

Заметив на тыльной стороне следы крови, Олег осторожно пододвинул пакет и прочитал адрес:

– «Заместителю наркома авиационной промышленности А.С. Яковлеву», – и спросил: – А где адрес?

– Цифры в нижнем углу обозначают город и учреждение получателя, наверху код отправителя. Кровь немецкого солдата у канала, – пояснил дед.

Продуманный антураж говорил о заблаговременной и тщательной подготовке буквально с первых часов войны. Олег невольно поежился и сказал:

– С этим пакетом меня могут взять под белые ручки и отправить на Лубянку.

– Бояться тебе нечего. Адреса и печати настоящие, пакет взял на той развилке у умирающего фельдъегеря, вот его документ. – Дед протянул ярко-желтое удостоверение.

– Ты забываешь о содержании! – воскликнул внук!

– Ничего я не забываю! – огрызнулся старик. – Бумаги подписаны Яном Нагурским и Николаем Сукневичем.

– Что это меняет?

– Известные в авиастроении люди, оба работали с Григоровичем и Сикорским, после революции перебрались в Польшу, – спокойно ответил дед.

– Не припомню польских самолетов, – демонстративно фыркнул Олег.

Не ввязываясь в бесполезную дискуссию, старик начал рассказывать об инженерах и конструкторах Российской империи, которые после революции перебрались в Польшу. В качестве примера показал польский пистолет WIS конструкции Петра Вильневича. До революции инженер работал на Сестрорецком оружейном заводе, где и создал это оружие.

Мотоцикл резво катил под палящим солнцем, а Олег с ног до головы покрылся слоем пыли. Даже шляпа в коляске стала выглядеть серой и жалостливой. Проклиная себя за необдуманный наряд, он решил снизить скорость, но результат получился обратный. Бурные фонтаны из-под колес моментально забили нос и рот, пришлось спешно давать газ. После очередной деревни проселок превратился в грейдерную дорогу, а перед мостом показался шлагбаум с оборудованным пулеметным гнездом.

– Документы! – строго потребовал матрос с винтовкой на плече.

Скрывая нахлынувшее волнение, Олег протянул чужие бумаги.

– Пострелять пришлось? – спросил подошедший сзади второй часовой.

Вот раззява! Пулемет закрепил по-походному, а ленту оставил запроваженной! Пустые звенья длинной змеей извивались в коляске.

– Это они возле Муховца вдарили по нам. Один остался. – Выдав заготовленную отговорку, Олег указал на полевую сумку.

– Куда едешь? – словно не слыша, спросил матрос.

– Первым делом в комендатуру, надо отдать документы, оружие и мотоцикл.

– Город знаешь? – спросил второй часовой и, не дожидаясь ответа, пояснил: – Через мост прямо до площади, там справа увидишь.

Колеса тихо прошуршали по доскам и зарычали по булыжной мостовой. Под вывеской «Военная комендатура» на лавочке сидел офицер в морской форме, у входа стоял матрос с непонятным автоматом на груди. Олег лихо затормозил и по-военному представился:

- Товарищ капитан-лейтенант, передаю трофейную технику, оружие и документы.
- Для начала покажи свои.

Пришлось показать все, включая письма и пакет из полевой сумки. Из комендатуры вышел офицер со звездой политработника на рукаве и строго спросил:

- Немцев из чего бил?
- Вот. – Олег вытащил из кармана WIS.

Дежурный без слов забрал пистолет и передал документы с полевой сумкой политработнику. Переглянувшись, оба офицера вернулись в комендатуру. Тотчас из двери, словно чертики, выбежали матросы и начали подчистую выгребать содержимое коляски. Даже прикрученный пулемет сумели в минуту снять. Скрашивая ожидание и желая немного размять ноги, Олег начал прохаживаться по мостовой. Как-то неожиданно перед ним материализовался матрос с повязкой вахтенного и вернул документы. Дилемму «Уходить или ждать» решил политработник – сев на мотоцикл, он указал на коляску:

- Запрыгивай, иначе долго будешь плутать по нашим улочкам.

Какие в данной ситуации могут быть вопросы или предположения? Мотоцикл по диагонали пересек площадь, лихо проскочил несколько переулков и остановился под раскидистыми каштанами. Через несколько минут они вошли в кабинет Первого секретаря обкома партии.

– Вот он, долгожданный герой! Лично трех немцев уложил и документы в целости доставил. – С этими словами политработник положил на стол полевую сумку и документы погибших. Затем небрежно бросил солдатские книжки немцев.

Из-за стола вышел рослый мужчина, внимательно посмотрел на серого от пыли Олега с немецким ранцем в руке и крепко обнял:

– С прибытием! Обойдемся без формальностей, ты третий секретарь комсомола! Комната отдыха на первом этаже, завтра в семь жду тебя на вокзале.

Битый час Олег с остервенением выбивал из одежды въевшуюся пыль. Надо же так вляпаться! Он отдавал полевую сумку с документами и пакетом как объяснение своего приезда в Пинск! А вышло мгновенное превращение в комсомольского функционера! Как теперь выворачиваться – без малейшего представления об этом самом комсомоле? Горестно вздохнув, отправился в душ, где вымылся сам и постирал несчастный костюм.

Утром его растолкал один из милиционеров охраны, затем сообщив позавтракали в безлюдном обкомовском буфете и начали собираться. Злосчастный костюм оказался сухим и выглаженным. По этому поводу Олег не постеснялся поклониться милиционерам и поблагодарить за заботу. Пора! Он бежал по пустынным улицам в окружении четырех сотрудников НКВД, пересекал парки с благоухающими цветами и перепрыгивал через канавы в частном секторе.

Привокзальная площадь оказалась запружена людьми. Крики отчаяния или угрозы смешивались с визгом женщин и плачем детей. Громадную толпу обежали стороной и оказались у маленького домика с надписью «Дежурный обходчик». Тотчас открылась железная дверь, дальше они бежали уже шестером. Галоп по рельсам закончился у выходного семафора, где тихо попыхивал паровоз с тремя вагонами.

– Тебе в плацкартный. – Милиционер легонько подтолкнул в спину и запрыгнул с товарищами в мягкий.

Не успел Олег встать на ступеньку, как поезд тихонько тронулся. Мимо замелькали огороды и сады частного сектора, затем загудел мост через реку. На выезде поезд замедлил ход, а стоящий на насыпи милиционер с винтовкой ловко вскочил на подножку вагона. Мчались на зависть курьерским экспрессам, не сбавляя скорость на переездах и не давая предупредитель-

ных гудков. Плацкартный вагон оказался забит сверх всякого предела. Люди сидели в проходах или скрючившись в три погибели на полках. Олег устроился на ранце и вскоре задремал под стук колес.

Проснулся за полдень от резкого торможения. В вагоне полная тишина, люди или спят, или безучастно смотрят в потолок. На всякий случай Олег выпрыгнул из вагона и тревожно посмотрел на небо. Причиной остановки оказался стоящий впереди пассажирский поезд с расстрелянным паровозом, о чем сообщил вышедший следом кондуктор. Пока Олег раздумывал, перебежать в пробитый пулями вагон, или остаться здесь, сцепщик соединил оба состава и паровоз начал набирать скорость.

Пришлось снова примоститься на ранце и, в надежде уснуть, закрыть глаза. Очень хотел пить, а деревянный ретровагон не предусматривал подобной услуги, воды нет даже в туалете. Жажда заставила вспомнить укладку трофейного мотоцикла. Пехотинец тащил все на себе, а мотоциклисты везли в багажнике коляски. Расположенная сверху двойная крышка позволяла брать вещи, не вытаскивая ранец из гнезда. Объемный, из толстой желтой кожи, с гнездом для фляги, с плоской кружкой. Собираясь в дорогу, он бросил на дно немецкий штык-нож в чехле, не подумав о воде, продуктах в дорогу и ложке с вилкой.

Вот и Гомель; не дожидаясь полной остановки поезда, Олег ринулся на поиски магазина. Увы, на вокзале лишь ресторан с буфетом да газетным киоском, а выход в город закрыт для транзитных пассажиров. От жажды купил три стакана чая, которые оказались приторно-сладкими и огненно-горячими. В спешке обжигаясь, он едва успел выпить два, как мужчина в железнодорожной форме тронул его за плечо:

– Товарищ, через минуту отойдет ваш поезд.

Бежать пришлось к голове длиннющего состава с пробитыми пулями вагонами. Олег едва успел, прыгать на подножку пришлось почти с края платформы, а далее ожидал приятный сюрприз – народ куда-то исчез. Его попутчиками оказались девять девушек, комсомолок-активисток в серо-синих шароварах и полосатых футболках. Они отгородили половину вагона простыней, за которой разместились милиционеры с семьями. На боковой полке появилась пятиведерная бадья с кружкой на цепочке, а рядом стоял зеленый армейский термос. Встретившись с девушками взглядом, он представился:

– Олег Осипович Антохин, зовите просто Олег. Приехал из Питера и сразу попал к вам на бал.

Активистки сдержанно хихикнули и по очереди назвали свои имена и должности. Все оказались ВРИО секретарей райкомов с обязанностью передать вывозимые документы в Центральный архив.

– Товарищ Олег, расскажите о своем подвиге, – попросила девушка по имени Лена и густо покраснела.

– Подвиге? – удивился он. – На моем счету всего лишь трое, в одного долго не мог попасть, второго убил со страха, а третьего – из ненависти.

– наших ребят записали в партизаны, а девушек отправили в тыл, – горестно вздохнула Яна.

– Не горюйте, красавицы, скоро объявят набор в снайперы! После войны многие похвалятся орденами! – снисходительно заявил Олег.

Девушки радостно зашумели, на столе появились миски с гречневой кашей, и комсомольский актив дружно приступил к ужину. Снова наступила неловкая тишина, и Олег начал рассказывать о достопримечательностях родного города. Заговорившись, описал в красках памятник Победы и был прерван Иванкой:

– Правильно сказал товарищ Олег! На войне без жертв не обойтись, мы обязаны увековечить память павших товарищей!

Девушки принялись шумно обсуждать идею жертвенности во имя спасения товарищей. Каша незаметно кончилась, на столе появились чайники с горячей водой и крутобокий заварной чайник. Взяв кусочек пиленого сахара, Олег вспомнил спринтерский забег по перрону, где стояли утыканные кранами будки с надписью «кипяток». Разговор оживился, и девушки начали рассказывать о себе. Биографии у всех были одинаковы: училась, пошла работать, вышла замуж, вступила в комсомол. Выделялась одна неожиданная деталь. Во время польской оккупации, а девушки говорили именно так, белорусы были серьезно ущемлены в правах. Они платили повышенные налоги, не могли занимать государственные должности, а высшее образование вообще было недоступно.

Начало смеркаться, и проводник развесил в проходе керосиновые лампы. Девушки ушли мыть посуду, а Олег с удовольствием вытянулся на комковатом матрасе. Как он устал, и сколько за прошедшие сутки произошло невероятных событий!

Его разбудил бесцеремонный стук в стенку вагона:

– Воздушная тревога! Выключить свет! Всем немедленно выключить свет! Воздушная тревога!

Проводники суматошно сдергивали с крючков керосиновые лампы, а вдали пылало зарево горящего Брянска. Постепенно ночная мгла укутала сполохи пожаров, и поезд помчался дальше. После безуспешных попыток что-либо рассмотреть в темноте Олег снова завалился спать и проснулся от непривычной тишины. Вагоны сиротливо стояли на запасном пути под охраной милиционеров с винтовками. Он побежал в домик недвусмысленного назначения, рядом с которым оказался душ с корытами для стирки. Нашлась и гладильня с утюгом, правда, за угольками надо идти в котельную, из которой торчал кран с надписью «кипяток».

– Товарищ Олег, завтракать! Пшенная каша с мясом! – звонко позвала Лена.

– Где это мы стоим? – пробегая мимо милиционеров, поинтересовался он.

– В Орле, и никто не знает, когда и куда двинемся дальше, – последовал ответ.

Питание из привокзальной спецстоловой можно признать достаточным, но Олег ради девушек отправился в ближайший магазин. Хотелось порадовать и как-то скрасить их скромную жизнь с явно выраженным недостатком денежных средств. Заштатный гастроном вдали от центра поразил обильным выбором и отсутствием очередей. Ценники подсказывали о существовании государственного регулирования. Килограмм черной икры равнялся годовой зарплате инженера. Он не стал шиковать, благоразумно накупив дешевеньких карамелек с пряниками и сушками. Единственным исключением стал китайский чай в алых жестяных коробках.

– Ой, мы не можем себе это позволить! – увидев разложенные на столе кулечки, воскликнула Яна и попыталась уйти.

– Это будет не по-товарищески, – возразил Олег и бесцеремонно всучил ей покупки.

С этого дня девушки надели платья и начали собираться на вечерний чай с конфетами, где тишком играли в подкидного дурака. Постепенно из обращения исчезло слово «товарищ», даже рассерженно шипели при неправильном карточном ходе. Олег не забыл о поручении деда, заглянул в комнату фельдъегерей, которая располагалась на вокзале рядом с отделением железнодорожной милиции. Посмотрев на усталых милиционеров и горку опломбированных почтовых мешков, понял бесперспективность задуманного варианта.

Поразмыслив, решил зайти с другой стороны и решил сблизиться с обкомовским руководством в головном вагоне. Он стоически выдерживал заседания, где решался один-единственный вопрос. Партийное начальство ежедневно звонило в Москву и добивалось назначения на фронт. После неизменного приказа «ждите» они собирались снова в надежде найти какой-либо убедительный довод. Очередное совещание началось с сообщения о взятии немцами Гомеля.

– Немецкие войска повернули на юг, а севернее Киева нет наших войск, – произнес первый секретарь и уронил листок.

– Город под ударом с двух сторон, – шепнул кто-то из членов партбюро.

Второй секретарь поднял телеграмму и сердито стукнул кулаком по столу:

– Хуже, товарищи, намного хуже! Южная группа германских войск неожиданно повернула на Крым.

В купе повисла напряженная тишина, Киеву не устоять, это ясно каждому. Немцы пересекли Днепр и наступают практически с тыла. Резервы успели занять оборону, а новые обстоятельства требуют спешно уходить. Главные силы Киевского военного округа раздроблены и потеряли связь с командованием. Первый секретарь залпом выпил стакан воды и более спокойно сказал:

– Наша флотилия практически не имеет потерь и идет на соединение с кораблями из Дуная.

Олег напряженно вспоминал полученную от деда информацию. В конечном итоге корабли уйдут в Ейск, где сформируются в Азовскую военную флотилию. Рассеянные по степи части Красной Армии сдадутся в плен, а белорусские леса станут проклятием Вермахта. Вот он, шанс, и Олег громко заявил:

– В лесах осталось много пограничников и красноармейцев, скоро появятся стихийные партизанские отряды со случайными людьми во главе.

– Правильно сказал товарищ! Такое дело нельзя пускать на самотек! – поддержал первый секретарь.

Областное руководство оживилось и быстренько составило тезисы к очередному звонку в Москву.

Идея получила поддержку, и вернувшееся начальство село за составление подробного проекта. Олег и здесь сказал свое слово, предложив отправить радистов для непрерывной связи с московским руководством. В результате получился объемный документ, которому прилагался список кандидатов в комиссары партизанских отрядов. Откорректированный вариант напечатали на пишущей машинке и запечатали в знакомый конверт с маркировкой: «НКВД СССР Фельдъегерская служба». Сработало!

– Позвольте мне, я быстро добегу, – протянул руку Олег.

– Прием почты на втором этаже обкома, вход с лестничной площадки, – пояснил третий секретарь, которому явно не хотелось относить пакет.

Легкий, словно во сне, Олег помчался в свой вагон. Вытащив из-под подкладки ранца пакет деда, побежал вприпрыжку через железнодорожные пути и вскоре оказался на привокзальной площади. Пролетка извозчика под цокот копыт довезла до обкома партии.

– Документ! – потребовал охранник на входе.

– Вот! – Растерявшись от неожиданности, он показал пакеты фельдъегерской службы.

– Документ! – невозмутимо повторил милиционер.

Ни о каких пропусках не было речи, Олег спохватился и достал паспорт с комсомольским билетом. Паспорт остался незамеченным, охранник полистал комсомольский билет, проверил последнюю дату уплаты взносов и открыл калитку. Взлетев на второй этаж, Олег открыл заветную дверь и оказался у приемного окошка. Пожилая женщина профессионально глянула на адреса, тщательно проверила прошивку с сургучными печатями и небрежно бросила пакеты в большую стопку на столе. Затем гулко стукнула железной печатью по квитанциям и сказала:

– Держите, вам повезло, сегодня ночью в Москву уходит спецпоезд. Товарищ Каганович собирает секретарей обкомов.

Олег вежливо попрощался и, только столкнувшись на выходе с курьерами фельдъегерской службы, понял смысл слов о поезде и Кагановиче. Партийная почтовая служба давала

почти стопроцентную гарантию сохранности, но не являлась синонимом экспресс-доставки. На радостях от выполнения самого важного задания Олег снова сел на извозчика и по пути заехал в гастроном, где купил десять бутылок лимонада под названием «Ситро». Затем не сдержался и добавил самую большую банку китайского чая с изречениями Конфуция и тиснеными золотыми рыбками.

Позвякивая бутылками в авоське, Олег пролез под очередной платформой с неупакованными станками и увидел свои вагоны в сцепке с паровозом. Поспешив, поставил покупки в тамбур, затем побежал отдавать квитанцию о сдаче пакета.

– Молодец, правильно мыслишь! – Первый секретарь торжественно пожал руку. – В ближайшее время нас забросят в немецкий тыл.

Вагоны неожиданно дернулись, прервав похвалу начальства. Возвращаться обратно пришлось уже на ходу, где сразу попал в плотное кольцо девушек.

– Товарищ Олег, мы вам не барышни из городского парка и решительно отказываемся от буржуазных угощений! – сурово заявила Лена.

Разве можно быть такими упертыми?! Он от чистого сердца, с желанием сделать приятное! И ухаживает за ними без хамства и ханжества. Пришлось выкручиваться:

– У нас праздник! Скоро прыгнем на парашютах туда! – и показал пальцем за спину.

Суровые лица вмиг озарились радостными улыбками, с восторженным криком девушки бросились его обнимать. На шум выглянул милиционер и озадаченно спросил:

– За что это вы его так?

Олег приложил палец к губам и многозначительно подмигнул.

– Значит заслужил! – откликнулась Иванка и лукаво добавила: – И ты, Василич, постарайся, тогда тебя зацелуем.

Милиционер смущенно кашлянул и скрылся за занавеской. Девушки захопотали в купейном отсеке, который получил название столовой, боковушку прозвали кухней. Ситро оказалось приторно-сладким, и Олег пил его без удовольствия, зато девушки смаковали, излишне громко обсуждая вкусовые достоинства. Покончив с лимонадом, без перерыва приступили к чаепитию с обсуждением предстоящих героических поступков. Сначала зациклились на парашютах и предстоящих учебных прыжках с вышки, а затем из настоящего самолета.

Второй этап эвакуации с первого дня превратился в настоящую пытку. От паровоза отцепили вагоны на ближайшем разъезде, где отсутствовали элементарные бытовые удобства. Через сутки их прицепили к пассажирскому поезду с пустыми вагонами и снова бросили на каком-то полустанке. Рельсы гремели от составов, где на платформах рядом с оборудованием сидели сутулые беженцы. Иногда навстречу шли поезда с солдатами, и совсем редко встречались платформы с пушками и танками.

К изнуряющей неизвестности добавилось резко ухудшившееся питание. Чаще всего девушки приносили хлеб и полный термос квашеной капусты. Порой капусту сменяли соленые огурцы или моченые яблоки. Бурую сельдь с торчащими костями встречали криками ура. Переход на скудное питание не вызвал у людей ни жалоб, ни ропота недовольства, а Олег очень быстро скис. Выдав гневную тираду о зажравшихся тыловиках, отправился в спецстоловую. Склад действительно оказался почти пустым, зато залежалое «почти» можно было легально купить.

С этого дня началась пора обмана. Чаще всего Олег приносил пятикилограммовые жестянки с яблочным мармеладом, который девушки нарежали тонкими ломтиками. Реже удавалось купить фанерный ящик макарон. Эти продукты входили в перечень довольствия старших офицеров, которых на полустанках никогда не видели. Порой случался полный облом, и Олег шел на привокзальный рынок, где покупал сало с яйцами. В такие дни объявлялся общевагонный банкет, милиционеры приходили с водкой и гармонью. Подвыпившая компа-

ния, включая девушек, закуривала «Беломор», прозванный офицерскими папиросами. Некурящие Олег с Василичем уходили за занавеску, где начинали бесконечный разговор «за жизнь».

– Почему ты выходишь на дежурство с разным оружием? – как-то раз поинтересовался Олег.

– Действуем согласно инструкции, – многозначительно ответил Василич и тут же пояснил: – Винтовка устрашает, поэтому берем в многолюдные места.

Логично, людей пугает громоздкая трехлинейка с примкнутым штыком и отбивает желание подойти с досужими вопросами. С «Наганом» в кобуре тоже ясно – часовой вооружен и вместе с тем не внушает страха.

– В каком случае выходите с автоматом? – продолжал допытываться Олег.

– Есть особый перечень станций, где бандиты грабили вагоны. Там выходим удвоенным нарядом, пара у вагонов, вторая пара на стульчике у окна не сводит глаз с товарища.

Олег даже не догадывался, что дежурства так глубоко продуманы! В зависимости от обстоятельств один и тот же милиционер может оказаться вежливым или готовым в любой момент открыть огонь. Захотел разобраться со странным видом автоматического оружия:

– Почему милицейские автоматы совсем не похожи на «ППД» или «ППШ»?

Василич загадочно улыбнулся и ответил:

– Потому что это польский Mors, панские арсеналы переданы под контроль НКВД.

– Польские патроны закончатся, и останетесь безоружными, – заметил Олег и похвастался: – У меня был WIS, в комендатуру с мотоциклом сдал.

– Оружие создано царским капитаном Петром Вильневичем, поэтому патрон стандартный, сейчас называется «ТТ».

– Не может быть! Патрон разработан вместе с пистолетом!

– Твой отец воевал в империалистическую? – спросил Василич.

– Нет, – и прикусил язык. Олег хотел сказать: «еще не родился», да вовремя вспомнил о собственном «рождении» в восемнадцатом.

– Тогда понятно, у офицеров было много оружия под патроны 7.62x25 и 6.5x50. Петроградский патронный завод выпускал их десятками тысяч.

Олег не был фанатом оружия и никогда не интересовался патронами, тем более дореволюционными. Но разговор затеял он сам и необходимо проявить внимание:

– Не понял, на вооружении царской армии были трехлинейки и «Наганы».

– Эх, молодежь, молодежь! – покачал головой Василич. – Офицеры и казаки воевали собственным оружием!

– Как это – собственным, а устав?

– Устав и позволял. Оружейные заводы принадлежали буржуям и выпускали что хотели. В ходу были самозарядные винтовки Щукина под патрон 6.5x50 и автоматические карабины Квасцова под патрон 7.62x25. Любители щеголяли даже скорострельными пистолетами, но их часто клинило.

– Погоди, у офицеров с казаками был выбор? Они могли купить оружие или получить казенное? – уточнил Олег.

– Фу ты, ничего не знаешь! При царе офицеры в любом случае покупали оружие! Казакам было особое послабление, за «мосинку» они платили лишь тридцать пять рублей, остальное гасила казна.

– И патроны за свои кровные покупали?

– Патроны сами крутили. Мосин специально сделал донце с фланцем, хоть сто раз перезаряди, а осечки не будет, – пояснил Василич.

– И гвардия на парадах ходила с разнокалиберным оружием? – не сдавался Олег.

– Нашел о чем говорить! Твои гвардейцы пижонили вокруг царя в золоченых кирасах, а воевали простые солдатики из второго состава.

– Точно! – вспомнил Олег. – У Кавалергардского полка на Шпалерной во дворе казармы запасного полка!

– Твой отец совсем не воевал? – заинтересовался Василич.

– Воевал, выучился на летчика и бил... этих, басмачей. Я тоже хочу стать летчиком.

– Вот как! И я Туркестан прошел! Басмачи завидят самолет, с лошади прыг и голову в песок! Голыми руками брали! – хохотнул Василич.

На другой стороне вагона заиграла гармонь, и оба, словно по команде, встали. Танцы были главным развлечением, парочки умудрялись кружиться в узеньком коридоре вагона без синяков и столкновений. Причем на Олега возлагалась обязанность станцевать с каждой из девушек. Милиционеры ехали семьями, а жены ревностно контролировали мужей. После танцев начиналось хоровое пение, керосин у проводников давно закончился, поэтому расходились в кромешной темноте.

Все имеет свой конец, вскоре опустел кошелек с полученными у деда немалыми капиталами. Олег занервничал, жить впроголодь он не умел и не хотел. На станции Трофимовка в вагон зашел посыльный с долгожданным сообщением о прибытии в конечный пункт. Едва комсомольский актив выгрузился на бетонный перрон, как поезд покатил в обратную сторону.

– Куда? А мы? Почему? – панически закричал Олег.

Ответом послужил прощальный взмах руки первого секретаря обкома. Их бросили посреди степи у маленького рабочего поселка!

– Нам недалеко идти, но багаж придется разделить поровну.

Слова посыльного заставили оценить объем ручной клади. Из объемистых узлов выпирали каблуки сапог, торчали валенки, обшитые бархатом ватники и позвякивала железом посуда. Идти пришлось согнувшись под тяжестью неудобной клади. Знойное солнце припекало сквозь одежду, пот заливал глаза, поэтому звонок трамвая показался эхом позабытого Питера.

– Садимся не спеша, это конечная, до отправления десять минут, – тоном врача заговорил посыльный и добавил в сторону кондуктора: – Беженцы, совсем без денег.

– Где мы? – сипло спросил Олег.

– В Саратове, сейчас вас устрою в общежитии сельхозтехникума. Дальнейшие инструкции товарищ Антохин получит завтра.

Самая обычная общага разделена тюремной решеткой на женскую и мужскую половины. Слабому полу выделили парадную лестницу, а юношам достался пожарный выход. Девушек поселили в двух комнатах на пять коек каждая, зато Олег шиковал по местным меркам в люксе с умывальником. Развесив одежду в фанерном шкафу с гвоздиками вместо ручек, он сел на шаткий стул. Его гардероб состоял из мятого костюма, джинсов и застиранных рубашек без воротника.

В качестве НЗ¹¹ дед выделил парочку трофейных часов. Решив не спешить с продажей и дождаться информации о дальнейшей судьбе, отправился в баню. Ощущение чистоты пришло после четвертого захода в парилку, а парикмахерская у входа в мужское отделение восстановила жизненный тонус. Наутро в отутюженном костюме предстал перед первым секретарем областной комсомольской организации.

– Пойдешь ко мне вторым секретарем? – без предисловий предложил тот.

– Лучше дай направление в летное училище, – попросил Олег и добавил в качестве аргумента: – Отец служил в авиации.

– Все направления аннулированы, – последовал угрюмый ответ. – Наши летчики, танкисты и артиллеристы воюют в окопах. – И неожиданно выкрикнул: – За полтора месяца войны немцы уничтожили всю технику!

¹¹ Неприкосновенный запас.

– Видел, фрицев у границы встретил, но война только начинается. Настанет час – и тысячи наших самолетов начнут бить врага! – уверенно ответил Олег.

– Читал сопроводиловку¹², завидую, успел открыть личный счет. А меня не отпускают, – угрюмо ответил комсомольский вожак.

– Не торопись, вот вернутся ребята с инвалидностью, и настанет твоя очередь, – подбодрил Олег.

– Отпустят, да в другую сторону. Моих заводов отправили в Сибирь – поднимать эвакуированные заводы.

– Сочувствую ребятам, им предстоит высадиться в чистом поле и запустить производство до наступления холодов. Такое дело по плечу настоящим героям.

Дед снова оказался прав. Молодых призывников отправляли на восток, а Олегу поручили проводить с ними комсомольскую работу. Право первоочередного прохода принадлежало поездам с заводским оборудованием, и времени для общения было достаточно. Утром со стопкой газет в руках отправлялся на берег Волги. Скучные сообщения не давали общей картины развернувшихся боев, но он знал главное – война закончится взятием Берлина.

– На твои выступления перед солдатами приходят даже старые коммунисты! – похвалил первый секретарь обкома комсомола.

Похвала приятна, если не отягощается дополнительными обязанностями. Олег получил график выступлений перед молодежью заводов и школ.

Зачастили грозы с ливнями, вместе с ними резко менялась температура воздуха от пятнадцати до тридцати пяти градусов. Насморк с температурой заставили позаботиться о собственном здоровье. Пришлось продать на барахолке одни часы и отправиться в магазин одежды. Выбор на любой вкус: от зимних пальто с каракулевым воротником до простеньких сандалий на кожаной подошве, правда, цены кусачие. Олег уже разобрался с модой, вернее, с тем, что носили обычные люди, и сделал «правильные» покупки.

Он уже завалился в кровать и сквозь дрему слушал сводку Совинформбюро, когда пришел посыльный с повесткой из военкомата. Олег давно ждал этого момента, даже держал наготове трофейный ранец. Его прадед прошел Финскую и Отечественную, летал на торпедоносце и ни разу не был сбит. Лишь в сорок четвертом, когда над Тюттерсом сшиб крылом дерево, пересел на «Бостон». Его «Ил» решили не ремонтировать, оставив памятником с торчащими из крыла ветками. Утром перепроверил собранные вещи и точно в назначенное время постучал в указанный кабинет.

– Пойдешь на курсы младших политруков. Здесь на Астраханской, в здании Железнодорожного техникума, – не глядя на вошедшего, сказал военком.

Олег чуть было не расплакался. Он ожидал чего угодно, даже автобат с перевозкой портнянок со склада. Но политработник – это чересчур! Со слов деда, комиссары в основном занимались писаниной, именно они, а не командиры, составляли наградные листы. Надо как-то отбиваться и он жалобно попросил:

– Мне бы в авиацию, с детства мечтал стать летчиком.

– Могу устроить на авиазавод и подписать бронь, – доброжелательно ответил офицер.

Намек? При чем чуть ли не прямым текстом! Олег осторожно положил на стол часы и тихо сказал:

– Лучше поближе к врагу, хочу посмотреть немцу в глаза.

Подношение соскользнуло в стол, а военком принялся деловито переключать папки. Поиск остановился на самой тоненькой с приклеенным машинописным листочком. Внимательно перечитав инструкцию, офицер уточнил:

¹² Краткая характеристика.

– Отправлен на комсомольскую работу с последнего курса Ленинградского автодорожного института Наркомата внутренних дел.

– Так точно!

– В таком случае подойдешь, можно считать законченным высшим образованием.

– Куда подойду?

– В шестую роту, вот куда! Возвращайся в общежитие и жди сопровождающего. – Пожав руку, военком снова уткнулся в бумаги.

Что такое шестая рота? В кино девятая рота воевала в Афгане, а чем знаменита шестая? Чапаев командовал дивизией, еще Олег слышал о Железной дивизии, но здесь всего лишь рота. Они сотворили нечто героическое на Халхин-Голе или у озера Хасан? Или это рота личной охраны Сталина? А куда пристегнуть высшее образование? Он что-то слышал о шарашках, где арестованные ученые и конструкторы под дулами пистолетов делали уникальные открытия. Идти охранником в лагерь? Нет, лучше бежать в тайгу. Решив не ломать себе голову, Олег отправился в обком комсомола. По существующим правилам он обязан сняться с учета, но важнее повод для встречи с первым секретарем.

– Привет, на фронт? Везет же людям, а мне тут штаны протирать, – приветствовал комсомольский вожак.

– В шестую роту, велели дожидаться сопровождающего, – небрежно ответил Олег и внимательно проследил за реакцией.

Ровным счетом ничего, без каких-либо эмоций первый секретарь расписался в графе «убыл» и пожелал победы в боях. Нет ничего хуже неопределенности; измучив себя всевозможными догадками, Олег в расстройстве завалился спать. Разбудили его среди ночи. Некто в милицейской форме разрешил сполоснуться под умывальником и затолкал в кузов грузовика. Машина промчалась по спящему городу и остановилась у дома с табличкой «охрана». На сонных ребят торопливо надели темно-синие шинели рядовых, вручили трехлинейки и повели в темноту.

Нестройно шагая сквозь крошечную темень по закоулкам работающего завода, юноши безуспешно пытались задать хоть один вопрос. Тщетно, вместо ответа их расставили по постам и велели никого не пускать.

– Куда не пропускать – вперед или назад? – спросил какой-то шутник.

– Никуда, – последовал лаконичный ответ.

Рассвет добавил вопросов – ребята стояли жидкой линией оцепления. Олег напрягся: а что, если здесь забастовка и прикажут стрелять? Вскоре в соседние цеха потянулась толпа рабочих, по гудку новая смена приступила к работе, а отработавшие ночь пошли к проходной. Затем появился разводящий с нестройным отрядом юношей в мешковатых шинелях, а уставший караул отвели в заводскую столовую.

Сытых ребят построили на заводском дворе и объявили двухчасовой отдых. Какой может быть отдых, если рядом под открытым небом собирают знаменитые «Яки»? Всезнайки двадцать первого века превозносят американские истребители, восхваляя за высокие скоростные показатели. Война отнюдь не соревнования на скорость, на первом месте маневр и мощь удара, в скороподъемности и на виражах «Яку» не было равных.

На Тихом океане американцы гонялись за Mitsubishi Zero, боевые характеристики которого равнялись «ишачку» – «И-16». Заокеанская доктрина требовала уничтожить как можно больше самолетов врага. У немецких и советских пилотов в приоритете выполнение задания, враг покинул зону – значит, мы победили. Кстати, по кодексу чести Luftwaffe летчики считали победы, а не сбитые самолеты.

После отдыха Олега поставили у собранного на скорую руку забора. За спиной слышалась какая-то возня, затем заурчал грузовик и резко запахло керосином. Через час неприятно завыл

стартер, и после серии громких хлопков злобно зашипел огромный примус. Звук далек от рева реактивного двигателя, но сомнений нет, пакет деда доставлен адресату!

В реальности английские газовые турбины для катеров были закуплены в октябре сорок четвертого. Через четыре месяца ПВО Москвы получила два полка реактивных перехватчиков. Война заканчивалась, и Сталин приказал модифицировать английскую турбину, затем разработать самолеты нового поколения. Советская авиация получила «МиГ-15», «Ил-28» и «Ту-16», а бывшие союзники подняли в воздух улучшенные «Мессершмитты» с «Хенкелями». Американцы добились улучшения эксплуатационных качеств самолетов за счет деградации летных характеристик.

Сейчас иная ситуация, простенькую газовую турбину с компрессором типа «беличье колесо» нетрудно поставить на конвейер. Новый «Як-15» станет истинным королем воздуха и обязательно изменит ход войны. К тому же Туполев повторил ход Яковлева и оснастил турбинами свой «Ту-2». Новый самолет получил маркировку «Ту-14», но в серию не пошел по той же причине, что и «Як-15». Оба конструктора попытались модифицировать свои машины и окончательно проиграли конкурентам.

Глава 3

Курс молодого разведчика

Закрытый от постороннего взгляда самолет непрерывно прошипел пять суток, затем его укатали в ангар. У ребят забрали винтовки с шинелями и отпустили по домам. Возвращаясь пешком в толпе молодежи, Олег услышал несколько похожих историй. Одни почти неделю охраняли секретный бронепоезд, другим довелось стеречь стоящий в затоне катер с настоящими ракетами. Но главное, что он узнал, – это не шестая рота, а проверенные люди из комсомольского актива.

Душевное равновесие восстановилось, и Олег зачастил на городской пляж. Волейбол, плавание наперегонки к противоположному берегу Волги и флирт с девушками выбили из головы тревожные мысли. Среди молодежи ходил слух о новом самолете-ракете, который однажды воочию подтвердился. Над рекой нечто прошелестело и стремительно унеслось ввысь. Затем самолет более получаса крутил в небесной синеве завораживающие фигуры высшего пилотажа и скрылся за крышами авиазавода.

Испытывая восторг и чувство гордости за деда, Олег отправился в общежитие пешком.

– Товарищ Антохин? Олег Осипович? – Военный с майорскими шпалами придержал его у калитки вахтера.

– Так точно. Вы приехали за мной из шестой роты? – догадался Олег.

– Пятнадцать минут на сборы, я жду вас здесь. – И офицер вернулся на лавочку.

Пятнадцать минут? У него все готово, управится в две минуты. Уже сдавая коменданту ключи, Олег упрекнул себя в очередной оплошности. Необходимо забыть слово «офицер», сейчас оно является синонимом «белогвардеец», в армии служат командиры и бойцы.

– Сколько заплатил? – указав на ранец, поинтересовался майор.

– Патронами рассчитывался, на прежних владельцев обойму потратил, – как можно спокойнее ответил Олег.

– Где воевал?

– Я не воевал, немцев у границы встретил. Пришлось забрать мотоцикл, чтобы не догнали.

– Хорошо, что шутишь, – улыбнулся майор. – Каков личный счет?

– Трое, и если быть честным, стрелял словно в тумане, – сознался Олег.

– Ты стрелял, убил врага и победил! В военной прокуратуре стопка дел на красных командиров, которые не стреляли!

– Я был не один и без помощи старших ничего бы не смог.

– Скоро научим науку побеждать. А сейчас советую прикупить продуктов, впереди неделя пути. – Майор поставил точку в разговоре.

Вместо ответа Олег показал кошелек с полученной в обкоме зарплатой. Сопровождающий без слов его забрал, и они отправились в комендатуру, где новобранцу вручили вещмешок с бытовыми мелочами и сухим пайком на неделю. Затем посетили Военторг, только зашли туда со служебного входа. Майор переговорил с заведующей, и вещмешок пополнился тяжелыми банками и пустым кошельком.

Дорога в неизвестность началась с речного вокзала, где они сели на пароход до Ульяновска. Сопровождающий проводил Олега в самый низ и указал на деревянную палубу рядом с входом в машинное отделение:

– Вот твое место, постарайся никуда не уходить, с началом войны ворье обнаглело сверх всякого предела.

Предупреждение не понравилось, как и предстоящее недельное путешествие со спальным местом на голом полу. Но это временные неудобства, более всего не понравилась обмолвка о военной прокуратуре. Он не хотел служить в роте охраны, тем более оказаться в расстрельной команде. Началась общая посадка, и широкий коридор начал быстро заполняться. Палубные пассажиры деловито огораживали узлами жизненное пространство и приступали к трапезе.

Под ногами что-то ритмично зашипело, сквозь тихий гомон людей пробилась еле слышная шлепка палиц. Пароход отправился вверх по Волге. Скученность и духота сначала раздражали, но вскоре начали слипаться глаза. Примостив вещмешок под голову, а ранец у переборки, Олег замотал лямки на руку и провалился в сон, а среди ночи его осторожно потрясли. Резко сев, он увидел перед собой двоих парней, третий стоял поодаль.

– По-тихому отдавай вещички, иначе ножичком чик – и отправишься кормить волжских раков, – прошептал ближайший.

Олег никогда не занимался спортом, за исключением школьных уроков физкультуры. Что он может сделать этой парочке с самодельными финками в руках? Попытаться изобразить один из киношных финтов и получить удар в живот? Отдать, а утром предстать перед майором с опущенными ушами?

– Сейчас, дайте забрать подарок друзей, – пробормотал он и полез в ранец.

– Люблю вежливых людей, сапоги не забудь снять, аккурат мой размерчик, – ухмыльнулся вор.

Нашупав рукоять штык-ножа, Олег со всей силы саданул ближайшего каблуком в пах. Пружинисто выпрямившись, повернулся ко второму и повторил виденный в кино размашистый режущий удар. Тот не ожидал атаки, и лезвие ощутимо прошлось поперек груди. Штык-нож никто и никогда не затачивает, он предназначен для колющих атак, а не нарезки колбасы. Кончик вспорол край полотняной рубахи, и на ткани выступила кровь.

– Убивают!!! – завопил воришка и опустился на колени.

Тем временем Олег сбил последнего, прижал лезвие к горлу и грозно прошептал:

– Только шевельнись – вмиг отрежу глупую башку!

По трапу загрохотали сапоги ночного патруля. Милиционеры профессионально оценили ситуацию, один спящий никогда не набросится на троих празднующихся. Воришек скрутили, а виновнику драки велели идти следом. Их завели в тесную каюту палубой выше и потребовали документы. Воришки достали потрепанные паспорта, а Олег показал комсомольский билет.

– С Лиговки? – полистав странички, спросил старшина.

Откровенная проверка заставила улыбнуться:

– Лиговка за городом на ветке в Петергоф, в центре Лиговский.

– Где остальные документы?

– У майора, он меня сопровождает к месту службы.

Милиционеры сразу потеряли к Олегу интерес, лишь подальше отодвинули штык-нож. Военнослужащие даже в ранге призывника в компетенции комендатуры по закону НКВД не имеют права его задержать. Тем не менее старшина спросил:

– Ты хотел его убить?

– Ага, самый извержский способ – полоснуть тупым лезвием. Пусть штаны снимет, явно мокрые от мужества.

Милиционеры сдержанно хохотнули, но рану проверили. Убедившись в глубокой царапине, старшина добавил от себя увесистый удар в ухо. Майор зашел без стука, уверенный и бодрый, словно не ложился спать. Предъявив документы, сухо спросил:

– С собой только трофейный штык-нож или пистолет в ранце затерялся?

– Пистолет сдал в комендатуру, – спокойно ответил Олег.

– Вот так зашел и отдал?

– Я приехал на мотоцикле с пулеметом, документы погибших и немецкие солдатские книжки сдал старшему политруку.

Ответ заставил милиционеров посмотреть на Олега с уважением. Война только началась, и фронтовики в тылу еще не встречались. Сопровождающий вложил штык-нож в ножны, демонстративно застегнул ранец и приказал:

– Отправляйся досыпать и впредь постарайся никого не убить!

– Я и так постарался, – буркнул Олег.

Не успел он закрыть дверь, как в каюте послышались удары с жалобными стопами ворихшек. Сейчас другая методика допросов и принуждений к чистосердечному признанию. Внизу произошли изменения, ближайшая баррикада узлов оказалась расширенной, куда его сразу позвали:

– Давай к нам, солдатик, вместе удобнее и веселее.

Вместе действительно оказалось и удобнее, и веселее. Можно спокойно оставить вещи и прогуляться по палубам. Скооперированное общество выкладывало харчи на общий стол, и обед дополнялся свежими овощами и фруктами. Время коротали рассказами о жизни. Крестьяне жаловались на председателей колхозов, которые не хотели выписывать справки, без которых не пускали торговать на рынках. Вздыхали по поводу цен на мануфактуру и кожу, мол, новую одежду не каждый год сошьешь, а сапоги и подавно.

Майор навещал подопечного раз в день, они выходили на корму и молчали. Обычно сопровождающий выкуривал три папиросы подряд и уходил, но однажды пригласил в буфет. В шумном прокуренном помещении народ пил дешевое пиво, которое в двадцать первом веке назовут «живым». Майор заказал чай с булками и задал невинный вопрос:

– Как я понял, ты умеешь управлять мотоциклом.

Сейчас личный транспорт в большой редкости, мотоциклы с автомобилями в свободной продаже, но цены запредельны. Олег выложил сразу оба удостоверения и успокоился, тема проработана с дедом, поэтому спокойно ответил:

– Я входил в состав институтской команды при автотоклубе Осоавиахима.

– На Л-11 гонял?

Снова ловушка! Эта модель в шестьсот кубиков выпускалась только для армии и пожарников.

– Нет, у нас были спортивные «Ленинград-8», я в мотокроссах участвовал.

Он действительно много гонял по карьерам. Покупая сыну мотоцикл, родители потребовали свести до минимума поездки по городу и оживленным трассам.

– И грузовиком можешь управлять?

Здесь у Олега было намного больше опыта и снова благодаря родителям. Очередная просьба подкинуть денежек завершилась предложением заработать самому. Он не стал клянуть, а устроился водителем «Газели». Заработка за время каникул вполне хватало на весь семестр.

– Запросто, ездил по городу и за городом по бездорожью, – уверенно ответил он.

– Это хорошо, у нас мало шоферов, а опытных с навыком вождения в большом городе вообще нет.

Олег отмолчался, сейчас машин в городах почти не видно, на улицах трамваи да лошадки тащат повозки. Майор не спеша попивал чай да разглядывал публику. Порой с прищуром смотрел на троицу прилизанных личностей, поедавших большую горку раков. Перехватив изучающий взгляд Олега, с легкой усмешкой спросил:

– Как думаешь, кто они?

– Трудно сказать, на заводе не работают, это точно.

- Майор неожиданно захохотал, поперхнулся крошкой бублика, откашлялся и тихо сказал:
- Перед тобой Комарицкий, Васильев и Шпитальный.
 - Артисты? – предположил Олег.
 - Инженеры! Создатели скорострельных пушек! Неужели никогда не слышал?
 - Откуда? В институте и школе о них не говорили.

Майор попросил еще два стакана чая и принялся обгрызать бублик, а получив заказ, неожиданно спросил:

- Ты хорошо стреляешь?

Олег размышлял о судьбе реактивного самолета. Возвращение конструкторов авиационных пушек свидетельствовало о завершении летных испытаний. Спohватившись, неуверенно ответил:

- На стрельбище ходил в середнячках, а мотоциклиста сбил с третьего выстрела.

– Странный ты, разбитной парень, перед милицией не робеешь. С другой стороны, словно маменькин сынок, не куришь и путаешься в бытовых мелочах.

Вынеся вердикт, майор потерял к Олегу интерес, перекуры на корме прекратились, сопровождающий даже не заглядывал на палубу. В Ульяновске отметились в комендатуре при речном вокзале, а во второй половине дня сели на идущий в Пермь пароход. Они снова прошли до начала посадки. Олег сразу нырнул на самую нижнюю палубу, ибо альтернативой для пассажира без места была открытая палуба.

Наученный горьким опытом, сразу после отхода перезнакомился со своими соседями. Поколебавшись, присоединился к группе речников, которые возвращались после перегона буксиров. Компания оказалась слишком веселой, утро начиналось с «Жигулевского», а вечером заправлялись «Крымским» портвейном. От назойливых предложений выпить его спасла группа бабулек. Отругав «беспутных», даже пару раз хлопнув кого-то полотенцем, они забрали Олега в свой коллектив.

Путешествие по рекам закончилось в предрассветном тумане. Они вышли на плашкоут у обрывистого берега, а сверху с криками спускалась группа женщин. Нимало не стесняясь в выражениях, они чихвостили капитана за то, что он на подходе не давал гудков. Попытка оправдаться: «Я пришел точно по расписанию, а гудками всю деревню разбужу!» – встретила яростную ругань в адрес дурацкого расписания, никчемного капитана с напоминанием о прошлом опоздании в полтора часа. Следом за женщинами спустился солдат и услужливо взял у майора походный чемоданчик. Наверху у самого обрыва их ожидала пролетка. Заключительный этап поездки занял три дня с двумя ночевками в сельских школах.

Вступление в армейскую жизнь показалось каким-то неправильным. Писарь при штабе сначала зачитал некое подобие правил поведения, затем вручил книжицы под названием «строевой» и «дисциплинарный» устав РККА. Олег расписался на листке под названием «Воинская присяга» и отправился на поиски вещевого склада. И снова сюрприз – ему вручили три комплекта форменной одежды. Кроме обычной из чертовой кожи дали комплекты из габардина и диагонали, а фланелевые портянки прилагались к яловым сапогам!

Явно офицерское обмундирование снова заставило внутренне напрячься. Пехотные петлицы немного успокоили, а кожаный ремень дореволюционных времен вызвал недоумение. Фляга с котелком оказались эмалированными с обшивкой из тонкого сукна и окончательно отбили желание что-либо понять. Получив обмундирование, Олег начал примерку и сконфуженно признался:

- Я никогда не пользовался портянками.

– В носках, что ли? – указав на хромовые сапоги, спросил старшина и приступил к обучению.

Неправильность продолжилась в парикмахерской, где его подстригли под полубокс. Затем душ с последующим облачением в форму и фотографированием на документы.

– А теперь куда идти? – спросил Олег, вставая с неудобной табуретки.

– Для новичков казарма номер четыре, затем беги в столовую, до конца ужина осталось полчаса, – пояснил фотограф.

Метровая цифра четыре над входом исключала ошибку, но внутри снова полная ерунда. Три просторных помещения с койками, ленинская комната с трибуной и рядами стульев. Похоже на казарму, только нет дежурного с обязательными дневальными. Даже в санатории на входе сидят строгие тетеньки, а тут вообще никого. Олег открыл дверь с табличкой «каптерка», с одной стороны длинная вешалка для одежды и полочкой для обуви, напротив полупустые стеллажи. Нерешительно потоптавшись, для очистки совести пару раз позвал дневального и бросил на пол вещмешки с ранцем.

Столовая добавила впечатление абсурда, столы под белыми скатертями, фаянсовая посуда и полный комплект приборов. Помещение занято почти на треть, и все без каких-либо знаков различия в петлицах. Но главное заключалось в поведении: за исключением нескольких человек бойцы пользовались только ложками. Было смешно наблюдать, как человек черпает макароны и ест руками треску под польским соусом, а рядом лежат вилка с ножом.

В казарме уже находились люди, и Олег поспешил хоть как-то прояснить свое будущее. В спальней комнате, где он оставил вещи, находилось всего трое.

– Здравствуйте, я вновь прибывший, зовут Олегом, фамилия Антохин, – представился он с порога.

– Петр, а это Николай и Василий, мы трое прибыли сюда неделю назад из Благовещенска.

– Дальневосточники?

– Нет, я харьковчанин, они из Киева, нас после призыва увезли на советско-японскую границу.

– Как там япошки, не балуют?

Петр сразу стал серьезным, подошел к Олегу вплотную и тихо сказал:

– Голову из окопа не поднимать, вмиг получишь от снайпера пулю.

– Неужели все так печально?

Ребята принялись рассказывать о японских укреплениях, протянувшихся по сопкам сплошной стеной. Доты, капониры, многоэтажные форты и замаскированные гнезда снайперов. Японцы внаглую разгуливают вдоль границы и справляют нужду под советскими пограничными столбами. Вместе с тем пограничникам и красноармейцам нельзя высунуться из окопа, стреляют сразу, причем прицельно.

– Неужели командиры терпят такой беспредел? – недоверчиво спросил Олег.

– Терпят? – горько усмехнулся Николай. – Приказ: «Не поддаваться на провокации, за невыполнение расстрел».

Петр поспешил сменить тему разговора и начал рассказывать о соседях. В этой спальне жили одиннадцать человек, недостающие восемь сейчас на вечерних занятиях. Две соседние тоже полупустые, так что Олег волен устроиться где угодно. В гарнизоне строгий распорядок с полным отсутствием взводных и ротных командиров. Завтра утром он получит индивидуальное расписание и сам все поймет.

Машинописный листок начинался со слов: «Учебная рота разведки РККА», ниже: «Расписание занятий красноармейца Антохина О.О.». Олег поздравил себя с правильным выбором: нет более почетного дела, чем ходить во вражеский тыл за языком или секретными документами. Расписание прояснило ситуацию с тремя комплектами формы, указывая место, время и тип обмундирования. К примеру, на проводимую дивизионным комиссаром политучебу необходимо приходить в габардине.

Первый день начинался с мотодрома, где Олегу предложили назвать части мотоцикла. Бодрое перечисление быстро споткнулось о непонимание. Сейчас иная терминология со всякими пистонами и роликами. Кое-как разобравшись, инструктор сначала проверил вождение на змейках, затем отправил в скоростной пробег по лесу. Отсутствие отбойников и деревья впритирку с трассой заставили сбавлять скорость, но при всей осторожности Олег умудрился установить местный рекорд.

На автодроме долго гоняли по эстакадам, колейным мостам и воротам. После переполненных машинами питерских дворов проверка показалась легкой забавой. Вместо кросса его отправили за хлебом в райцентр. Сорок километров в обе стороны Олег преодолел менее чем за час, а приехав, самодовольно заявил:

– Могу и быстрее, только двигатель попросит переборки.

Услышав это, начпрод молитвенно сложил ладошки и попросил:

– Семеныч, по-дружески прошу, поставь ему высший балл и больше никогда не посылай в город! Он ниже шестидесяти ездить не умеет!

Просьбу удовлетворили в сей же миг, заменив автото на минное дело, что не могло не обрадовать Олега. Чем быстрее он пройдет курс обучения, тем раньше окажется на фронте. Пройдя индивидуальный курс по видам взрывателей, оказался в одной группе с Петром. Начиная рассказывать про образцы немецкой армии, преподаватель неожиданно сказал:

– У них самые безопасные мины, которые могут придумать военные.

– Я слышал о прыгающих! – не сдержался Олег.

– Отличный пример! Она рассчитана на бегущего человека, если идти шагом, мина не сработает.

Слушатели недоуменно переглянулись, а усмехающийся преподаватель повесил на доске плакат времен Первой мировой. Принцип оказался действительно примитивным: жестянка в жестянке, а между ними небольшой заряд пороха. Если при активации запала человек не уберет ногу, то отделается легким толчком в ступню, а мина после этого станет безопасной. В целом немецкие заграждения нельзя назвать никчемными, но серные запалы быстро отсыревали и выходили из строя. У Красной Армии более разнообразное минное оружие, и преподаватель развернул плакат:

– В империалистическую войну ГАУ решило использовать даже брак. Инженеры придумали оригинальный взрыватель под любой негодный корпус снаряда.

Идея действительно оказалась потрясающей, запал активировался от нажатия, растяжки или электроимпульса. В базовую платформу вворачивался снаряд без взрывателя. Причем мультистакан позволял использовать любой калибр от семидесяти шести до двухсот десяти миллиметров. Хитрая задумка могла использоваться в качестве управляемого фугаса или обычной мины. В противопехотном варианте боевая часть сначала выстреливалась на полметра, а затем взрывалась. Против танков применялась кумулятивная мина с дальностью полета в тридцать метров. По сути это был прототип немецкого «Панцерфауст 30», догадался Олег и улыбнулся. Он попытался напомнить деду о фаустпатронах, но тот недовольно ответил:

– Абсолютно ненужная хрень, сейчас на ствол винтовки надевают насадку и стреляют кумулятивным зарядом «ВКГ-40». Твой «фауст» с тридцати метров в танк не попадает, а наш заряд прицельно летит за полусотню.

Каждый день преподаватель преподносил слушателям очередную новинку. Порой это оказывалось достаточно простое дополнение к противотанковой мине, которое поражало площадь в триста квадратных метров. Иногда разговор заходил о настоящих шедеврах типа фугасных огнеметов или радиоуправляемых минах.

Минное дело увлекло Олега, но вскоре казарма заполнилась и начались полномасштабные занятия. В расписании появился совсем необычный предмет под названием «тарабарский язык».

– Вы можете оказаться среди мирных жителей, причем обстоятельства потребуют от вас сохранения в тайне своей национальности. Как вы будете общаться?

Вопрос преподавателя сначала поставил в тупик, затем посыпались различные предложения. Одни выдвигали идею воспользоваться мимикой и жестами, другие заготовить бумажки со словами или буквами.

– Разведчик не должен обращать на себя внимание, – подсказал преподаватель.

– Среди нас нет знатоков иностранных языков, – заявил один из слушателей.

Это действительно так. В казарме собрались выпускники почти всех институтов Советского Союза с различными специальностями, кроме филологов и медиков. Олег невольно усмехнулся, он единственный с незаконченным высшим, за что получил кличку «Студент». Насладившись замешательством аудитории, преподаватель подкинул еще одну подсказку:

– Вы должны разговаривать, а не кривляться и совать друг другу в нос всякие записочки.

– В таком случае надо говорить как можно тише и быстрее, – предположил один из слушателей.

– Верно, плюс ко всему следует придать речи схожесть с известным языком. Возьмем слово «привет», добавим к слогам звук «ио» и получим «прииоветио», созвучное с итальянской речью.

Понятное дело, народ принялся азартно осваивать псевдонемецкую тарабарщину. Не заставили себя ждать и занятия по немецкому языку, которые проводил немец-антифашист. Он раздал рукописный словарь на сотню слов и начал мордовать артикуляцией.

Первое занятие по стрелковой подготовке началось с казуса. Раздав винтовки, инструктор приказал их разобрать и собрать. Разобрать получилось, Олег подглядывал за действиями соседей и сумел разложить на столе детали. Зато со сборкой ничего не получилось, все давно закончили и недоуменно смотрели на «творчество» товарища.

– Я не умею собирать винтовку, – честно признался Олег.

Без единого слова упрека инструктор пояснил порядок действий и приказал двадцать раз разобрать и собрать. Урок пошел на пользу, на последней разборке и сборке руки действовали автоматически. Но самое неприятное произошло в казарме.

– Что-то наш студент темнит о своем довоенном прошлом, – подозрительно сказал Петр.

– На осовиахимовском стрельбище занятия начинаются и заканчиваются разборкой и чисткой оружия, – поддержал Николай.

Надо объяснить, но как? Движение «Стреляй по-ворошиловски» пользовалось у молодежи огромной популярностью и было обязательным для всех. Опыт Олега ограничивался тиром с мелкашкой в руках. Есть выход! У Юрки дома был настоящий «Наган» с дарственной табличкой вместо левой щеки. Они с пятого класса разбирали раритет времен Гражданской войны до самого последнего болтика.

– У нас в Автодорожном институте Наркомата внутренних дел стреляли только из «Нагана», – как можно увереннее заявил Олег и замер в ожидании ответной реакции.

– И планиристы с парашютистами сдают зачет с револьвером, – неожиданно поддержал Василий.

Первые стрельбы полностью реабилитировали Олега. С пяти выстрелов он выбил сорок восемь очков и перешел в группу снайперов-подрывников. Если с минами уже было понятно, то тонкое дело снайпера требовало основательной подготовки. СВТ и 91/30 стреляли примерно

одинаково, обе винтовки были с чоком¹³ и на восьмистах метрах давали эллипс четыре на шесть сантиметров. А дальше шли значительные отличия.

Снайперский вариант 91/30 снабжался глушителем и стрелял специальным беспламенным патроном с утяжеленной пулей. Соответственно ПБ¹⁴ изначально разрабатывался для 91/30. Автоматика СВТ не выдерживала отдачу усиленного патрона, по этой причине на винтовку Токарева устанавливали более дешевый ПУ¹⁵, применяемый в танках и артиллерии. Крепление под штык-нож не позволяло фиксировать глушитель. По словам преподавателя, промышленность освоила выпуск ПББС¹⁶ под стандартный патрон, но в школе их пока нет.

– Вы расскажите нам о методах борьбы с немецкими снайперами? – заинтересованно спросил Олег.

– У них снайперов нет. Доктрина молниеносной войны не предусматривает окопных боев.

– И снайперского оружия нет? – уточнил один из слушателей.

– По данным нашей разведки, в германском арсенале хранится две тысячи винтовок «Маузер 98» с полторакратным оптическим прицелом ZF-15.

– Это оружие империалистической войны! – воскликнула часть слушателей.

– Неужели немцы не могут сделать более мощный прицел? – зароптали другие.

– Стрелку «Маузера 98» не поможет даже телескоп. На четырехстах метрах эллипс рассеивания двадцать на тридцать два сантиметра, – улыбнулся инструктор.

Далее он разъяснил, что среди офицеров существуют клубы снайперской стрельбы. Это нечто схожее с охотничьими клубами, только убивают людей. Разработан даже кодекс правил, который обязан соблюдать каждый член клуба. Тем не менее к реальным снайперам эти любители пострелять отношения не имеют. Они не знают даже прописных истин маскировки.

Надо отметить высокий профессионализм преподавательского состава. Они обучали и развивали творческое мышление слушателей. На занятиях стрелков устроили конкурс по созданию самодельной снайперской винтовки. Исходным материалом служил прицел ПЕ¹⁷, который стоял на советских бомбардировщиках, и чешская винтовка. Минер выставил все известные взрыватели и предложил придумать мину для подрыва железнодорожного моста.

Каждый вечер Олег вместе с друзьями усаживался рядом с репродуктором и внимательно слушал сводки Совинформбюро. Красная Армия отступала, но его интересовала информация о воздушных боях. Сообщений о бомбежках Москвы и Ленинграда нет, а количество сбитых немецких самолетов росло день ото дня. После прослушивания сводки они ставили стулья в круг и приступали к обсуждению новостей. Но сегодняшний вечер пошел наперекосяк, посыльный из штаба зачитал приказ о срочном сборе, причем всей семерке.

Каждый слушатель учебной роты с нетерпением ждал этой минуты. Ребята тоже обрадовались, а затем заспорили. В свое время Олег присоединился к троице, затем к дружной четверке примкнул Володя из Нижнего. Через пару дней еще присоединились Осип и весельчак Костя. Каждый сделал это добровольно, исходя из личных симпатий. Почему сбор только им? Почему приказано прибыть в «старой» одежде? Или их отчисляют? В таком случае почему без вещей? Вопросы росли снежным комом, а офицер у штаба без разговоров посадил в грузовик.

– Думы отбросить и спать! – на правах старшего по возрасту приказал Костя.

¹³ Сужение канала от казны к дульному срезу.

¹⁴ Прицел бесшумный.

¹⁵ Прицел универсальный.

¹⁶ Прибор бесшумной беспламенной стрельбы.

¹⁷ Прицел Емельянова.

Хорошо сказать спать, да как это сделать на тряской дороге в кузове полуторки? Олег вытащил из кучи матрас, укрылся другим и закрыл глаза, но очередная колдобина больно саданула по ребрам.

– Эй! Пассажиры! Хватит дрыхнуть, приехали! – разбудил насмешливый голос.

Сонные ребята неловко слезли с грузовика и поплелись в дощатый склад, где получили ушанки с валенками, ватные штаны и фуфайки. Затем их накормили полноценным обедом с настоящим наваристым борщом.

– Одеваемся и выходим строиться!

Новый приказ вызвал всеобщее удивление, здесь не юг, но октябрь был теплым. За окном зарокотали двигатели, и отряд заторопился – они полетят на самолете! Самолетом называлось нечто динозавроподобное с рвущимися из двигателей алыми факелами. Завидев цепочку пассажиров, экипаж побросал наземь папироски и полез по лестницам на свои места. Отряд подвели к бомболюку и шутливо посоветовали:

– Занимайте только плацкартные места.

На доски поперек фюзеляжа не так просто взобраться! Олег еще пыхтел в попытке принять удобное для гуманоида положение, как внизу раздался скрежет и створки люка закрылись. Оказавшись в кромешной темноте, друзья начали перемещаться на ощупь. Далее последовало несколько часов сплошного кошмара с дующим из неизвестных щелей ледяным ветром и невероятной болтанкой во всех направлениях одновременно. Но вот самолет ощутимо ударился колесами о землю, а открывающиеся створки позволили рассмотреть бледные лица друг друга. Кто-то из экипажа заглянул в бомболюк и весело крикнул:

– Заправка самолета! Перекур два часа! Желающие могут позавтракать в летной столовой!

– Нам и здесь хорошо, – ответил за всех Олег и положил голову на чей-то валенок.

Эмоционально второй этап полета оказался сложнее первого. Через многочисленные щели пробивался дневной свет, заставляя пассажиров тревожно следить за изгибами хлипкой конструкции. Наконец колеса снова ударились о взлетно-посадочную полосу, и повеселевший отряд шумно вывалился из бомболюка. Прилетели!

– Хлопцы! Вокруг снег! – удивленно воскликнул Николай.

К самолету лихо подрулила полуторка с брезентовым тентом, из кабины выглянул полковник в буденовке и приказал:

– В машину! Бегом! Буржуйку растопите!

После самолета кузов показался уютным и обжитым. Брезент изнутри утеплен войлоком, посередине привинченная к полу чугунная печь, у кабины ящик с углем и дровами для растопки.

– Вигвам на колесах, а Чингачук за рулем! – растапливая печь, пошутил Осип.

Шутка понравилась, за рулем действительно сидел представитель казахских степей. Послеполетное напряжение исчезло, и все засмеялись. Полуторка петляла меж заснеженных холмов; измученный ночным перелетом Олег незаметно уснул.

Машина остановилась у неказистого домика с вывеской «Гарнизонная баня». Рядом вросшая в землю кочегарка, а поодаль покосившийся барак. С противоположной стороны виднелся залив в окружении гранитных скал.

– Ладога! – невольно воскликнул Олег.

– Разговорчики! – прикрикнул полковник. – Всем мыться, на выходе вас ждет парикмахер и новое обмундирование.

Мылись с шутками, отряд на берегу Ладожского озера, что подразумевает скорый поход в тыл врага. Высмеяли даже вонючее дегтярное мыло, которое выдали вместо ставшим привычным земляничного. Продолжали шутить в креслах парикмахеров, которые словно забыли

полубокс, выстригали узкий чуб. Раздевалка заставила озадаченно примолкнуть, их ожидали стопки серой немецкой униформы.

– Одежду подбирать строго по размеру! – приказал незнакомец с ефрейторской нашивкой на рукаве.

Подштанники до колен и нижняя рубаха неприятно кололись плохо обработанным льном. Портянки поднимались выше края тяжелых ботинок и прикрывались брезентовыми обмотками под названием гольфы. Форма вызывала ощущение неловкости, которое усилилось после навешивания противогоза с брезентовой сумкой и прочими котелками.

– Выходи строиться! – приказал «ефрейтор».

Тоненькая шинелька с суконной кепочкой почти не грели, и отряд невольно начал поеживаться. Долго стоять не пришлось, из-за угла казармы показалась давешняя полуторка, а вышедший из нее обер-лейтенант представился:

– Я заместитель командира отряда, прошу обращаться «товарищ лейтенант».

Строй переглянулся – в коротком обращении отчетливо прозвучал акцент. Из кузова грузовика спрыгнул еще один «немец» с громоздкой радиостанцией и автоматом «МП-28» на шее.

– Наш радист Сурен, – представил новичка «ефрейтор». – Я ваш командир с кличкой Моряк. Фамилии, имени и звания нет.

Далее свершилось совсем непонятное – «товарищ лейтенант» раздал всем служебные книжки красноармейца и приказал:

– Прошу всех проверить правильность заполнения и положить в левый нагрудный карман.

На Олега смотрела его собственная фотография, с именем-отчеством тоже нормально, а фамилия Кислов подтверждала «правильность». «Товарищ лейтенант» оценил всеобщее молчание легкой усмешкой и раздал немецкие солдатские книжки:

– Их держите в правом кармане, иначе нам всем *ende*¹⁸.

Знакомство завершилось вручением немецких карабинов, и отряд с командиром во главе побежал по заснеженной дороге. После очередного поворота открылся обычный рыбколхозный причал с подводной лодкой. Друзья начали поглядывать на Олега, но тот лишь пожимал плечами. В музее ВМФ перегону подводных лодок из Ленинграда на Север посвящен большой стенд, так что лодка под маркировкой «С-3» могла действовать на Ладоге.

Хлипкий трап вывел на нос, где чернел открытый люк загрузки торпед. Далее началось упражнение на ловкость. На узенький до невозможности трап не помещалась ступня. Оружие и гирлянда амуниции на спине цеплялись мертвой хваткой за всевозможные загогулины.

– Как они затаскивают сюда торпеды, если человек не может пролезть! – рассерженно прошипел набивший шишку Владимир.

– Это аварийный выход, а вход с другой стороны, – ехидно ответил Моряк.

Олег постарался пролезть аккуратно и смог избежать встречи с устройством для загрузки. Оказавшись в отсеке, он поразился свободному пространству перед торпедными аппаратами. За спиной высокие стеллажи с торпедами и двухъярусные койки между ними. Над головой громко бухнул люк, следом лязгнули задрайки и заскрежетали задвижки. Олег невольно вжал голову в плечи и шагнул под неведомую конструкцию. Взгляд зацепился за шильдик на английском языке, он отошел к электродвигателю – здесь шильдик на французском. Невероятно, лодка иностранного производства, причем оборудование с механизмами из разных стран!

Поход в неизвестность продолжался семь дней, и предположение о Ладоге растворилось само собой. Они сидели в одиночестве без какого-либо контакта с экипажем. Будильником

¹⁸ Конец (*нем.*).

служил рокот дизелей и шум вентиляторов проветривания отсеков. Звонкий стук в межотсечный люк оповещал о доставке завтрака, обеда или ужина. Скучать не приходилось, с утра до вечера непрерывной чередой шла тренировка в тарабарском языке. Как правило, друзья пересказывали сюжеты советских фильмов. Олег никогда их не видел и пересказывал «Мушкетеров» Дюма. Но вот очередной обед прервался скрежетом верхнего люка.

– Собирайтесь на выход, они уже близко, – негромко произнес невидимый в темноте человек.

Со всех сторон послышалась суетливая возня с чертыханиями по поводу завалившегося противогАЗа или исчезнувших ботинок. Но вот отряд построился перед торпедными аппаратами. Морьяк проверил снаряжение и начал по одному выпускать наверх. Звезды! Ветерок! Как мало надо человеку для счастья! К подводной лодке подошло пропахшее рыбой суденышко, и отряд начал перебираться через невысокий фальшборт. Следом передали несколько чемоданов, а последними оказались две дамочки. Олег попытался рассмотреть их лица, но его бесцеремонно оттолкнули. С рыбацкого судна на подводную лодку быстро перебрался неведомый отряд и бесшумными тенями скрылся в люке торпедного отсека.

В устье реки состоялась еще одна пересадка, на этот раз они оказались в трюме самоходной баржи. На рассвете крышка люка сдвинулась в сторону и шкипер приказал:

– *Uitgang, snel!*¹⁹

Баржа уткнулась носом в берег, поэтому прыгать пришлось с разбега. Морьяк устроил еще одну проверку внешнего вида, после чего вывел на проселок. Вскоре по пыльной дороге устало шагало отделение немецких солдат с зевающим во весь рот обер-лейтенантом. В свое время Олег мечтал побывать в Голландии, но окружающий пейзаж напрочь отбил охоту. Слева высокая дамба закрывала вид на реку, справа глубокая канава отделяла проселок от геометрически ровных квадратов вспаханных полей. Скукота.

Маленький отряд мерным походным шагом прошел по центральной улице какой-то деревни. Пустошь и неестественная тишина. Завидев «немцев», одинокий прохожий шмыгнул за угол. Пару раз в окнах глинобитных домов мелькнули бледные лица. Сейчас совсем иная Голландия, большинство пассивно отсиживаются, меньшинство добровольно вступают в войска Вермахта и СС. В сорок пятом союзники разрушат дамбы, и море смоет глинобитные домики. Победенным выставят счет за каждый квадратный сантиметр как жилой площади, так и свинарников. В результате Западная Германия оплатила строительство добротных кирпичных особняков, коровников с прочими хозяйственными постройками.

Шли долго, даже останавливались на двадцатиминутный привал. После полудня впереди показался небольшой город, но отряд свернул на боковую улицу и вышел к закрытым воротам. Местный ополченец услужливо открыл скрипучую створку, и отряд через пустынный плац прошел в казарму. Долгожданный отдых! Обильная еда! Рыбный супчик с овощами, гора картошки с хорошо обжаренной свининой и молока сколько влезет! После душа с вонючим детским мылом получили чистенькую одежду и завалились спать.

Утреннее солнышко с зеленой травкой настроило на лирику, завтрак с творогом, сыром и колбасой призывал к философским размышлениям. Увы, на построении прозвучал приказ:

– Дальше едем на машине! Студент за руль, четверым слева взять на кухне армейские термосы!

На улице стоял грузовичок с тентом, внешне напоминающий полуторку. Из кабины вышли полицейские, несколько театрально передали обер-лейтенанту пачку документов и ука-тили на велосипедах. Олег с Петром откинули задний борт и невольно сделали шаг назад: в глубине сидели давешние дамочки с горкой чемоданов.

¹⁹ Выходите, быстро! (*нидерланд.*)

– Не задерживаться! Термосы ставим ближе к кабине, сами рассаживаемся вдоль бортов, карабины ставим на пол у колен, – подстегнул Моряк.

Олег поторопился осмотреть забавный грузовичок, хотел открыть капот, но обер-лейтенант прикрикнул:

– Не тревожь «Мерседес», на сегодня это лучший и самый передовой грузовик в мире.

Марка говорит сама за себя, жаль, при разделе поверженной Германии вся техническая документация досталась союзникам. Олег послушно сел за руль, изнутри кабина показалась примером аскетизма – голое железо с обшитым брезентом сиденьем. Простенькая панель со спидометром на дурака. Шкала от десяти до сорока пяти в зеленом, а далее до семидесяти в сером секторах. Затем начиналась красная зона с отсечкой на цифре восемьдесят пять.

Двигатель завелся с полуоборота, но тархтел не меньше полуторки «ГАЗ-ММ». Олег плавно тронулся с места и покатил, следуя указаниям обер-лейтенанта. Первое время он не разгонял машину быстрее тридцати километров в час. Причина не в предусмотрительной осторожности, просто колдобины на проселке могли выкинуть из кабины.

– Здесь направо и далее по центральной улице на выезд из города, – указал маршрут обер-лейтенант.

Почти пустынные улицы с унылыми прохожими создавали впечатление тотального траура. Далее началась мощенная булыжником дорога с редкими телегами на обочине. Олег добавил газа, и скорость легко преодолела шестидесятикилометровый рубеж.

– Сбавь до пятидесяти! – приказал обер-лейтенант.

– Приборную панель специально поставили между водителем и пассажиром? – огрызнулся Олег.

– Разумеется. Устав Вермахта запрещает нижним чинам проявлять инициативу. Особо прытких отправляют в штрафные роты, – последовал спокойный ответ.

Дорога стала улучшаться, вскоре впереди показались домик, шлагбаум и немецкие солдаты с бляхами полевой жандармерии на груди. Пограничный пост! Олег непроизвольно проверил карабин под левой рукой. Обер-лейтенант уловил движение и по-прежнему спокойно сказал:

– Остановишься рядом с офицером, но не менее пяти метров от шлагбаума. Двигатель выключить, без моего приказа ничего не делать.

Плавно притормаживая, Олег четко поставил передние колеса на широкую белую линию. Обер-лейтенант вышел из кабины, показал какие-то документы и повел пограничника к заднему борту. Затем взял у Олега солдатскую книжку и отнес вместе с остальными в домик полевой жандармерии. Стрелки сошли с дороги и устроились на вкопанной у обочины лавочке.

– Сначала откроют шлагбаум, затем заводишь машину, – возвращаясь в кабину, предупредил обер-лейтенант.

Неужели все так неправдоподобно просто? Олег вел машину по бегущему в окружении лип бетонному шоссе и размышлял о невероятном проникновении отряда в глубокий тыл Германии. Начальный этап еще можно понять, компартия Нидерландов оказывала всяческое содействие вплоть до развала СССР. С погранцами тоже понятно, переговорили со старшим, проверили документы подчиненных и катитесь дальше. Но где бдительность бюргеров?

Отряд беспрепятственно ехал на юг, с заправками на бензоколонках. Проезжая через город, они останавливались у комендатуры, где липовый обер-лейтенант отмечал документы. На обед останавливались у кафе, где на талончики заполняли едой термосы. Затем офицер с Олегом заходили в зал, но обедали за разными столами. Ощущения не из приятных, жуешь и вздрагиваешь от любого шума или тупо смотришь под ноги при появлении официантки.

Самая страшная кара начиналась по вечерам. Получив в комендатуре направление, обер-лейтенант останавливался на ночлег по указанному адресу. Офицеру предоставляли комнату

с удобной кроватью, а Олег укладывался на раскладушке у двери. Завтрак и ужин входили в перечень услуг, а главным препятствием являлся туалет. Из опасения нарваться на разговор с хозяевами приходилось проскальзывать в коридор тихой мышкой. Если в туалет уходил офицер, Олег с карабином у ноги становился на охрану портфеля. Роль оловянного солдатика спасала от разговора, порой вызывала жалость хозяйки, а однажды милая девушка одарила поцелуем, показала язык и вышла, покачивая бедрами.

– Сегодня мы спешим, гони во всю мощь, – очередным утром сказал обер-лейтенант.

– Во всю мощь не получится, на скорости за семьдесят машина скачет козлом, – недовольно ответил Олег.

Тем не менее он гнал на пределе сцепления колес с асфальтом. На третьей скорости преодолевал подъемы и, почти не притормаживая, скатывался вниз.

– За поворотом пограничный пост. Развернешься и подъедешь к КПП задом, – с ледяным спокойствием предупредил обер-лейтенант.

За дальнейшими событиями Олег наблюдал через зеркала заднего вида. Сначала состоялся продолжительный разговор с офицером полевой жандармерии. Затем из машины буквально вытолкали дамочек. Поездка не пошла красавицам на пользу, чумазы, с растрепанными волосами, в мятых платьях они напоминали бомжих. При этом обе оказались в наручниках! Неожиданно офицер полевой жандармерии влупил одной из женщин оплеуху и бросил под ноги разорванные паспорта.

Освободившись от наручников, дамочки пробежали нейтральную полосу и оказались в объятиях двух мужчин. Швейцарский пограничник вежливо переждал эмоциональный всплеск со слезами радости, затем записал в гроссбух имена и вернулся на пост. Обер-лейтенант тоже не спешил и сел в кабину после отъезда легковушек на той стороне.

– Теперь назад в Мюнхен, – последовал приказ.

Олег ожидал окончания эпопеи с путешествием по Германии, поэтому недовольно проворчал:

– Мюнхен на востоке.

– Нам всем нужна информация и отдых, а там есть удобное местечко.

Удобным местечком оказался гараж с пристроенным к боксам жилым домом и уютной спальней на чердаке. Хозяин дома и гаража оказался очень разговорчивым. Не зная ни слова по-русски, он проводил с разведчиками по нескольку часов в день. Общение более походило на монолог с яростной руганью фашистов и хвалы в адрес Красной Армии. Через пару дней на чердак заглянул обер-лейтенант:

– Студент, соберайся, для тебя есть особое задание.

У ворот гаража стоял шикарный черный автомобиль с обилием хромированных накладок. «Хорьх»! Звезда германского автопрома после войны засияла на другом берегу океана.

– Он лучше «Опель Адмирала»? – не скрывая восторга, спросил Олег.

– Фирма «Опель» принадлежит американцам и не пользуется у нас популярностью.

Обер-лейтенант положил в багажник чемодан, а Олег с трудом сдержал невольную усмешку. Вступив в борьбу с фашизмом, активист Коминтерна еще не представляет той глобальной катастрофы, которая ожидает его родину. Осторожно закрыв водительскую дверь, рискнул возразить:

– Но «Опель» остается самым массовым автомобилем.

– Глупости, на первом месте «DKW»! Поехали на Главный вокзал. – Увидев непонимание, добавил: – Я покажу дорогу.

На улицах Мюнхена были машины, другими словами городской трафик не охарактеризовать. У центрального входа стоял одинокий «Майбах», и Олег припарковался рядом. Обер-лейтенант начал изображать ожидающего начальство адъютанта и нервно вышагивал между

входом и машиной. Вскоре рядом остановился навороченный «Мерседес», и всполошенная группа помчалась на перрон.

Олег с интересом наблюдал за привокзальной жизнью. Одни спешили по неведомым делам, другие стояли на автобусной остановке, и ни одного празднующегося. Громкая ругань у дверей заставила посмотреть в зеркало заднего вида. Приехавший на «Мерседесе» важный военный чин отчитывал вокзальное начальство, ругал адъютанта и чуть ли не бил шофера. Те пытались объясниться, что вызывало еще больший гнев. Но вот кто-то высказал дельную мысль и указал на шофера, чем вызвал раздраженный ответ со смехом. Адъютант подбежал к обер-лейтенанту и принялся о чем-то умолять.

Чемоданы быстро уложили в багажник, и «Хорьх» резво рванул с места. Говорят, Мюнхен большой город, но машина вылетела на автобан через пятнадцать минут. Олег не спешил придавить педаль, хотя скорость в девяносто была взята почти незаметно. Шины звонко отсчитывали стыки бетонных плит, а «Хорьх» уверенно преодолел сто двадцать. Неширокая дорога с толстыми кленами на обочине призывала к благоразумию, и Олег решил больше не разгоняться.

Гнали чуть более часа, затем машина свернула в город и остановилась у местного вокзала. Адъютант куда-то сбегал и вернулся, сияя медным чайником. Багаж вынесли на перрон сообща, счастливый начальник снял с руки часы, посмотрел на Олега, но отдал обер-лейтенанту:

– Держи подарок, Adler²⁰ догадался о твоей национальности.

– Что в таком случае я должен был сказать?

– Не забивай голову всякой ерундой, – улыбнулся обер-лейтенант. – В любом варианте в Рейхе второй раз тебя не наградят.

– Слушай, лейтенант, зачем придуман весь этот цирк с обменом? – Олег показал на чемодан неведомого начальника у переднего сиденья.

– Придумай другой вариант встречи простого лейтенанта с человеком из окружения фюрера.

Гонка по автобану оказалась прелюдией к серии обменов. На этот раз ездили всем отрядом на грузовичке. В большинстве случаев невинные встречи случались в кафе или пивном баре. Порой машина останавливалась на дороге, якобы помогая голосующему автолюбителю. Но вот у обочины подобрали некоего бюргера в шляпе, и обер-лейтенант приказал:

– Закончили, теперь гони на юг!

Олег погнал, а югом оказалась деревушка на склоне горы с видом на Адриатическое море. Партизаны-словенцы переделали отряд в шаровары с короткими курточками и перевезли на крохотный островок. На следующую ночь с лодки «С-1» высадились смена, а отряд Моряка через полторы недели ступил на причалы благоухающего персиками города Потти.

²⁰ Орел (нем.) – псевдоним разведчика.

Глава 4

Первый бой

На этот раз летели с «плацкартными» местами. Через фюзеляж тянулся узенький мостик с перильцами, соединяя кабину пилотов с башенкой стрелка. Разведчики с шутками-прибаутками забрались в бомболюк и сразу переползли к стопке матрасов под башенкой стрелка. Дневной полет с обзором вниз и вверх обещал добавить уйму эмоций. Однако горный пейзаж быстро надоел, и ребята принялись делиться впечатлениями от прошедшей операции. Олегу не терпелось похвастаться часами, а Selza²¹ в золотом корпусе вызвала бурю восторженных поздравлений.

– Ну-ка, расскажи, за что тебя немецкие товарищи так высоко оценили, – потребовал Василий.

Врать не хотелось, и всю правду нельзя сказать, пришлось выбрать нейтральный вариант:

– Один антифашист опоздал на поезд, и мне пришлось мчаться до следующей станции. В результате обогнали два поезда.

– Мне тоже приходилось нагонять верхом на рысаке, – похвастался Осип.

– Я заглянул в шифровальную книгу Сурена, – неожиданно заявил Владимир. – Представляете, она на армянском языке!

Разведчики начали вспоминать различные эпизоды поездки через Германию. В первую очередь отметили высокий уровень жизни, достигнутый за счет поработанной Европы. Немного поговорили о немецких солдатских книжках, которые исчезли после выезда из Голландии. Не забыли и дамочек, которые въехали в Германию с немецкими документами как жены пилотов Люфтваффе, а покинули в качестве депортированных швейцарок.

– На каком языке они разговаривали? – поинтересовался Олег.

– С нами говорили по-русски, между собой вроде по-французски, – ответил Василий.

– Они специально спровоцировали офицера. Худенькая что-то ему сказала и была готова получить оплеуху, – заметил Костя.

– Зато швейцарские пограничники сразу схватились за карабины и не проверили паспорта, – добавил Николай.

Постепенно разговор перешел на обсуждение положения на фронте. Все огорченно называли потерянные города, а Олег откровенно радовался. Немцы не смогли войти в Крым, а фронт стабилизировался по линии Ростов – Курск – Вязьма. Гитлеровцы не смогли блокировать Ленинград, хотя серьезно угрожали Мурманску. В сводках Совинформбюро пели дифирамбы «красным соколам», особенно истребителям и штурмовикам.

Самолет вышел к побережью Каспия, и после дозаправки в Астрахани отряд оказался на знакомом аэродроме. Их никто не встречал, а обшитый фанерой автобус доставил прямиком в баню. И снова сюрприз: в раздевалке вместо одежды югославских партизан лежала форма морских летчиков. На приготовленном для Олега комплекте сверкали золотом наградные часы, прочие личные вещи исчезли. Трансформация в офицеров послужила поводом для новых шуточек, причем больше всех досталось Олегу. Если у остальных на рукавах сверкали узкие полоски, его китель украшали капитанские нашивки.

– Так нечестно, – притворно возмущался Петр, – он самый младший по возрасту и единственный среди нас студент.

²¹ Марка немецких часов.

На этом сюрпризы не закончились, их отвезли в городскую гостиницу, где расселили по одноместным номерам. Наутро прибежал посыльный из комендатуры и раздал зеленые квадратики из плохой бумаги, затем из финчасти пришел лейтенант с зарплатой. В результате разведчики получили солидные деньги с увольнительной запиской в качестве документа.

Никто не страдал наивностью. Им предложено гульнуть, а отсутствие начальства не подразумевало бесконтрольность поступков. В райцентре нашлось два ресторана, один на первом этаже гостиницы и привокзальный, так что выбор изначально predetermined. Они получили качественную еду под коньячок, оркестр с репертуаром Вертинского и девушек за соседним столом с бутылкой боржоми. Трезвенников и язвенников среди разведчиков не было, но никто не хотел спать пьяным бревном рядом с красивой женщиной.

Возвращение в учебную роту порадовало удобной спальней на семь коек, встречей с оставленной одеждой и украшенной бумажными флажками новогодней елкой. У Олега из занятий убрали тарабарский язык, добавив огневую подготовку в движении и умение маскироваться. На первой встрече инструктор одной фразой обозначил цель предстоящих тренировок:

– Догоняя или убегая, нельзя палить куда ни попадя. Тебя должны бояться, иначе победа достанется врагу.

– В лесу между мной и противником будут деревья, в такой ситуации практически невозможно попасть, – возразил Олег.

– В корне ошибочное мнение! Если глаза видят цель, стрелок обязан ее поразить.

– Убегая, на дистанции в пятьдесят метров ты должен спрятаться, сменить позицию и ударить с фланга, – добавил наставник по маскировке.

На стол легло два пистолета странной формы, и Олег не удержался от вопроса:

– Что это? Никогда не видел ничего подобного.

– Перед тобой «ТТ» образца тридцать девятого года, разработан по заказу ГРУ, – пояснил инструктор по огневой подготовке.

Наставник по маскировке положил на стол две короткие трубочки и добавил:

– На армейском варианте глушитель смещал центровку, и выстрел срывал коробку затвора.

– Изумительная по простоте и надежности конструкция позволяет прицельно стрелять на двести метров. – В завершение инструктор высыпал патроны.

Наставник по маскировке зарядил пистолеты и передал Олегу:

– Обойма на пятнадцать патронов, два пистолета позволяют стрелку провести успешную атаку и скрыться от преследователей.

Начали с отработки стойки, грудью к мишени, руки прямо вперед на уровне плеч. Первое упражнение заключалось в стрельбе с пяти метров по газетному листу, и завершилась полным успехом. Второй лист повесили в десяти метрах, а после пристрелки началось обучение «танцевальному» шагу. Олег непрерывно перемещался и стрелял, стрелял и стрелял до полного одурения. Звонкое эхо подвальных стен молотом било по голове и отражалось колокольным перезвоном в ушах.

Занятия по маскировке начались с учебного стенда, где Олегу предлагалось выбрать позицию. Затем наставник приводил в действие громоздкую конструкцию из зеркал, которая позволяла оценить обзор. Приоритетом считалось отсутствие скрытых секторов обстрела, по которым мог подобраться враг. После многочисленных неудач Олег недовольно заявил:

– В таком случае надо забраться на дерево!

– Глупее не придумаешь! – засмеялся наставник. – В природе не существует таких деревьев!

– Позицию можно оборудовать и прикрыть маскировочной сеткой.

– Тем самым нарушить естественную структуру кроны, что сразу бросится в глаза.

– В наблюдатели подбирают выпускников лесотехнической академии? – ехидно спросил Олег.

– Сразу видно горожанина! – снова засмеялся наставник. – У «нормальных» деревьев всегда просматриваются ствол и толстые ветви.

– Неправда! Ель плотно укрывается лапами!

Вместо ответа его отвели в лес и предложили создать укрытие. Увы, пришлось признать собственную неправоту. Частокол тонких веток серьезно препятствовал при подъеме вверх. О площадке и говорить нечего, установка даже простенького сиденья потребовала очистить от веток более полуметра ствола. В результате получился ограниченный обзор, а манекен просматривался без бинокля с полукилометра.

– Увидел свою елочную игрушку? Твой снайпер уязвим, при желании противник без труда захватит его живым.

Олег в очередной раз убедился в высоком профессионализме преподавателей, но продолжал высказывать собственные идеи. Он человек более развитой цивилизации и просто обязан чем-то помочь. Например, полностью отсутствовала физподготовка, не говоря о занятиях по рукопашному бою. Именно это он спросил во время занятий по тактике.

– Более смешного вопроса невозможно представить! Разведчик желает дать шанс своей жертве! Вас учат бесшумно двигаться и метко стрелять! Подберитесь сзади, приставьте ствол к виску и тихо шепните: «Hände hoch»²².

Затем Олегу напомнили о пистолетах с глушителем как самом весомом аргументе, исключаящем рукопашную схватку с врагом. Пришлось согласиться – щелчок бойка с последующим шваркающим звуком веника по асфальту намного тише драки. Против лома нет приема, против пули подавно.

На этот раз приказ собраться у штаба застал Олега на практических занятиях по выбору места для засады внутри зданий. Короткие сборы с поездкой на аэродром завершились посадкой недалеко от Евпатории. Судя по наградам на груди экипажа и многочисленным заплаткам на крыльях и фюзеляже, самолет участвовал в боевых вылетах. Моряк с Лейтенантом встретили отряд дружескими объятиями и познакомили с новым радистом, якутом по имени Николай. После бани вместо ожидаемой немецкой формы их ожидали коричнево-зеленые френчи с брюками и короткими сапогами.

– Офицерская, времен Керенского! Прикинемся белогвардейцами! – захохотал Владимир.

– Ты кожанки на волчьем меху посмотри и шапки-ушанки из овчины. Нам лютый мороз нипочем! – восторженно воскликнул Костя.

На построении раздали красноармейские книжки с новыми фамилиями, затем сытно накормили и отправили спать. Закат принес разведчикам настоящее потрясение: им раздали парашюты с зашнурованными вещмешками и провели краткий, но емкий инструктаж. Подводную лодку не назовешь удобным видом транспорта, но прыгать с небес в темноте не назовешь удовольствием.

– Почему у нас не было предварительных тренировок? – как можно спокойнее спросил Олег.

– По статистике на первом прыжке наименьший процент травматизма, – ответил инструктор.

Врет или успокаивает – времени на выяснение не оставалось, у крыльца остановился автобус, и водитель требовательно засигналил. На летном поле ревел моторами гигантский четырехмоторный самолет с открытой боковой дверцей.

²² Руки вверх (нем).

– Как называется это чудо? – не удержался от вопроса Николай.

– «Пе-8» в десантном варианте, – ответил борттехник и, хлопнув по плечу, добавил: – Не дрейфь, у товарища Сталина точно такой самолет.

Десантный? Два ряда по шесть алюминиевых кресел! Или это дальнебойный самолет? Молотов летал в Шотландию на «Пе-8» тридцать шестого года постройки, когда за океаном только начали проектировать «крепости». Олег с интересом осмотрел узковатый фюзеляж с одним квадратным иллюминатором. Перед кабиной пилотов за занавеской две койки для отдыха экипажа во время полета. Мощная батарея скорострельных пушек гарантировала защиту от атак вражеских самолетов. Самолет по всем параметрам превосходил «крепости», но во время войны его не выпускали. На «Ил-2» и «Пе-8» стояли одинаковые двигатели, возможности завода не бесконечны, а штурмовики имели бесспорный приоритет.

– Студент, готовься к прыжку! – Приказ Моряка вырвал из дремы.

– Куда? – не понял спросонья Олег.

– Вниз! – под дружный хохот ответил командир.

– Один? Что я там буду делать?

Инструктаж обрадовал доверием и напугал полной неизвестностью, словно предстояло прыгнуть в океанскую бездну.

– На все про все даю двадцать минут! Давай! – Моряк напутствовал дружеским толчком в спину.

Бортинженер поднес к двери вещмешок и по сигналу красной лампы открыл дверь. Зеленой лампы Олег не увидел, под ногами мелькнула шнуровка, а рывок стропа вырвал из самолета в ночь. В лицо ударил обжигающий ветер, а сознание не могло определить, где верх, где низ. От сильного рывка лязгнули зубы, и он прикусил язык. Боль вернула рассудок. По инструкции требовалось крикнуть «Мама», затем сосчитать до десяти и снова крикнуть «Мама». Несколько суетливо Олег выбросил запасной парашют и прислушался к звуку улетающего самолета. Один, совсем один!

Неожиданно ослаб проходящий под штаниной строп, осталось десять метров. Он едва успел свести ноги, как сильный удар опрокинул навзничь. Надо погасить оба купола, но вставать совсем не хотелось. Самолет вернется через двадцать минут! Мысль о товарищах заставила подняться. Первым делом вытащил из кармашка фонарик под названием «жучок» и под жужжание крошечного генератора обошел место приземления.

Самый обычный луг и маловетрие обещали безопасную высадку друзей. Осталось за малым, три красных и два зеленых фальшфейера зашипели яркими искрами. На всякий случай Олег расшнуровал вещмешок и закрепил на себе необычную портупею. В двух кобурах уже лежали пистолеты, а накладные кармашки хранили запасные обоймы и глушители. Сосредоточившись на экипировке, он пытался отогнать от себя волнение. Как бы точно пилот ни вышел на сброс, парашютистов разнесет на несколько километров.

Главное оружие снайпера называется «91/30», фактически немного измененная драгунская винтовка. А ему положили в фанерный футляр снайперский вариант винтовки Мосина! У нее дальность прицельного выстрела два километра, что требует ввода поправочных коэффициентов. Пришлось шарить в потемках по закоулкам футляра, таблицы нашлись в торцевом карманчике.

Фальшфейеры начали гаснуть, и Олег бросил на опаленную траву еще один. По инструкции для сбора отряда надо зажигать тоненькую «шипучку» с дальностью видимости в пять километров. Но друзья могут оказаться в лесу, поэтому он решил перестраховаться.

– Свои! – Голос из темноты заставил вздрогнуть.

– Коля? Как ты сумел так быстро притопать с радиостанцией на горбу? Снаряжение почти полсотни кило!

- Бери больше! Один велосипед²³ под двадцать!
- Повезло тебе почти в самый центр угодить, – улыбнулся Олег.
- Не везение, а опыт! Я затычным прыгал, – не принял шутливого разговора Николай.
- В Осавиахиме занимался парашютным спортом?
- В Китае напрыгался! Сначала служил в охране товарища Чан Кайши, затем перешел в разведку при его штабе.

Советская власть активно поддерживала Народную партию Китая, личная охрана правителя – лишь малая часть этой помощи. Самураев били наши танкисты с артиллеристами, а летчики в тридцать шестом умудрились утопить японский авианосец. С началом войны советское присутствие значительно уменьшилось. Англо-американские политики воспользовались моментом и возжелали прибрать к рукам весь Китай, а Чан Кайши легко пошел на сделку. Политбюро незамедлительно переориентировалось на Мао Цзэдуна. В итоге генералиссимус бежал на Тайвань вместе с русской женой и Народной партией.

- Здесь будешь выступать в роли японца? – поинтересовался Олег.
- Шутишь? Японец в провинциальной Германии! Все инстанции немедленно доложат в Берлин, и меня повяжут в течение получаса.
- Ну и что, скажешь на корявом китайском, мол, заблудился в горах, а сюда попал случайно.
- Не ерничай, по-китайски я чисто говорю и японский хорошо знаю. У нас много общих слов с маньчжурами и айнами.
- Ты был в Японии? – искренне удивился Олег.
- В Пусане, окончил школу унтер-офицеров, – похвастался Коля.
- Это Корея.
- Японцы считают ее своей исконной территорией, как немцы Прибалтику.
- Что вы тут о Прибалтике говорили? – Из темноты вышел Владимир с парашютом на плечах. – Я на островах служил еще до присоединения к СССР.

Олег зажег тоненький фальшфейер, который сразу начал плеваться искрами. По виду самый обычный бенгальский огонь, за что и прозван «шипучкой». Владимир с Колей занялись своими вещмешками, а Олег достал «жучок» и отправился собирать ошметки сгоревших сигнальных огней. Странная получилась высадка. Прыгали без реальной парашютной подготовки, в вещмешке оружие с небольшим запасом патронов. Сухой паек на два дня с довеском в виде большой пачки чая, килограмма пиленого сахара и упаковки сухого спирта.

Спать пришлось в спартанских условиях прямо на земле, подложив под голову вещмешок. Олег долго лежал с закрытыми глазами, вспоминая давний разговор деда с матерью. Оба смотрели по телевизору какой-то военный фильм, и она начала возмущаться недалёковидностью Сталина:

- Разве можно до такой степени не доверять людям? Вот и проморгал немецкое вторжение.
- Наши разведчики были только в Германии или вели работу во многих странах? – с невинным видом поинтересовался дед.
- Рихард Зорге тоже предупреждал!
- Предупреждал, даже прислал копию плана «Кантокуэн» по захвату наших земель от Иркутска до Владивостока.
- Впервые слышу! – резко ответила мама.
- Японцы собирались начать войну в июле сорок первого. Англо-франко-турецкое вторжение под названием «Острие копья» было запланировано на май сорок первого.

²³ Велосипед – мобильный генератор с pedalным приводом.

- Но они ничего не сделали, а немцы сосредоточили войска вдоль наших границ!
- Вот уж неправда! Дивизии Вермахта находились в Пруссии, англо-франко-турецкие силы сосредоточились от Черного моря до Термеза.
- В таком случае почему Япония не поддержала немцев? – заинтересовалась мама.
- Вмешался американский сапог. Они исторически не сильны в политическом пасьянсе и нехотели наложить на Токио санкции, – хохотнул дед.
- Ответом послужила атака на Гавайи?
- На самом деле японцы высадили десант на Филиппины, которые были колонией Штатов.
- Сначала уничтожили американский флот, затем без помех захватили острова, – догадалась мать.
- Примерно так, но первым шагом был отвод семимиллионной армии от границы с СССР.
- Погоди, ты сказал о предполагаемой атаке французских войск, но к этому времени немцы уже взяли Париж.
- По договору с Токио колониальные войска беспрепятственно покинули Индокитай и перешли под командование Лондона.
- Все равно Сталин должен был опасаться сосредоточения немецкой армады под боком у СССР, – настаивала мама.
- Страна была во враждебном окружении, политики решили сосредоточить войска на Украине, оставив в Белоруссии лишь две армии.
- Даже Польша планировала военную интервенцию, а Сталин скучковал все танки на границе с Румынией.
- Проблема в иной области. Немецкий Генштаб регулярно информировал наше посольство обо всех перемещениях войск, а разведка это подтверждала.
- Они обманывали под предлогом посадки в Пруссии десанта на Англию! – догадалась мама.

– Группе армий «Юг» до места сосредоточения всего триста километров. Разведка вовремя подняла тревогу, но подготовиться не успели.

Стремительное вторжение Олег видел своими глазами. Немецкую орду встретили лишь пограничные заставы, никто не побежал назад, никто не поднял руки с мольбой о пощаде. Вот с разведкой ГРУ намного сложнее, о ее работе он никогда не слышал, не читал и не видел кинофильмов. Первое задание поразило продуманным нахальством. Открыто на грузовике пересечь Третий рейх! До подобного действия не каждый додумается! Немного пофантазировав о предстоящем задании, он поглубже натянул ушанку и заснул.

Огромный луг в окружении гор! Красота! И спалось хорошо безо всяких мешков и палаток. Невероятно, но кожанка на меху оказалась универсальной одеждой, достаточно поджечь колени – и спи в уютном коконе. Налюбовавшись пейзажем, Олег повернулся на другой бок и встретил взгляд Моряка.

– Проснулся, Студент? Стропы с подвеской в вещмешок, парашюты туго скатать и за спину, – последовал приказ.

– У меня снайперская винтовка Мосина.

– Понесешь на плече. Открой футляр и продень ремешок в специальные вырезы.

Снова начинаются странности, начальство на ногах, а почти половина отряда продолжает спать. Лучшее всех устроился радист: сложив парашюты конвертом, он получил полноценный спальник.

– Может, пойдём навстречу? – тихо спросил Лейтенант.

– Нет, они с первой встречи должны знать, с кем имеют дело, иначе огребем проблемы, – ответил Моряк.

О чем это они? Олег выпрямился и сразу увидел приближающуюся группу мужчин в невероятной одежде. В первую очередь это короткие штаны из овчины мехом наружу с кожаными тесемочками ниже колена. Поверх длиннополого кафтана из грубого сукна на плечах накидка и тоже мехом наружу. Наряд завершали сапоги с узким голенищем и обычная папаха. В каких краях он приземлился?

– Вы русские, – уверенно заявил мужик с чапаевскими усами. – Я Штепан, а это Ярослав, мы отвеем вас к ущелью.

– Откуда вы узнали, что мы русские? – поинтересовался Моряк.

– Зачем узнавать? – пожал плечами Штепан. – Англичане нас продали и сидят на острове, словно мыши в половодье.

– Вы хорошие солдаты, на себе проверил. Меня можете называть белочехом, а Ярослава красночехом, он воевал в Красной гвардии.

– Русский освоили в плену, – тоном врача сказал Моряк и спросил: – Почему решили, что мы поидем в ущелье?

– Больше некуда, другая стройка очень далеко, – ухмыльнулся Штепан.

– Не волнуйтесь, все пастухи подрабатывают контрабандой, и мы не исключение. Нужно вам ущелье проходили тысячу раз, – успокоил Ярослав.

– Когда закончат строительство моста? – перешел на деловой тон Моряк.

– Откуда нам знать? – пожал плечами Штепан. – Мост обходим стороной, а немецкие друзья с гестапо не дружат.

Начальство с пастухами сели в кружок и начали согласовывать маршрут и оплату. У чехов главным оказался широкоплечий мужик с гуцульскими усами, а Ярослав со Штепаном выступали в роли переводчиков. Олег занялся укладкой парашютов, но кое-что из разговора уловил. Аборигеном предстояло не просто вывести отряд к некоему мосту. Речь шла о прикрытии из авангарда и арьергарда, а сам маршрут предусматривал возможность ускользнуть от возможных преследователей.

– Наши горы очень старые, поидем не тропами, а тайными пещерами, – успокоил Ярослав.

– У нас совсем нет воды и еды, а лазить по пещерам с большими рюкзаками очень опасно, – заявил Моряк.

Ответом послужил дружный смех, который завершился пояснением Штапана:

– На телегах поидем. Собирайтесь, сегодня отдохнете в нашей веснице²⁴, а завтра утречком отправимся в путь.

– Продукты купите у нас, а воды в горах достаточно. Будете пить целебную, за которую богатеи платят большие деньги, – добавил Ярослав.

По дороге в чешскую деревню Олег раздумывал о предстоящем задании. Пастухи-контрабандисты говорили о некоем мосте, который строят через ущелье. О диверсии нечего думать, у него нет ни взрывчатки, ни взрывателей. Вероятнее всего, предстоит отслеживать движение поездов, что косвенно подтверждают большие запасы чая и сахара.

Они действительно ехали на подводах, причем почти в кромешной темноте, если не считать подвешенных к оглоблям керосиновых ламп. Разведчики устроились на телегах с продуктами или контрабандным товаром и, глядя в темноту, нервно перешучивались. Эмоций наглотались всласть. Дорога в пещеру начиналась в центре деревни, вход находился в колодце на тридцатиметровой глубине! Олег судорожно вцепился в цепь и не реагировал на требования раскатать бадью, чтобы перебраться в подсвеченную лампой узкую щель. От полного конфуза спас пастух – он подцепил его длинным посохом и вытащил за шиворот.

²⁴ Деревня (чеш.).

Путешествие сквозь горы продолжалось пять дней. Пещеры выходили в глухие ущелья, а после нескольких километров под открытым небом отряд снова втягивался в темное подземелье. По всем признакам, тайная дорога существовала столетия, ибо в местах отдыха стояли деревянные столы с лавками, а спальные места оборудованы удобными лежаками.

– Все, для вас дорога заканчивается здесь, – Штепан указал на появившееся впереди светлое пятно. – Раньше мы проходили через это ущелье, а сейчас приходится делать кругалю.

Разведчики побежали к выходу, каждому хотелось увидеть цель предстоящего задания. Из долины выходила железная дорога и пересекала нижнее ущелье по строящемуся мосту, а далее рельсы упирались в конец другого ущелья. Олег присмотрелся к непонятному тупику и понял. Забетонированная площадка и опалубка вдоль крутых склонов с многочисленными опорами по центру свидетельствуют о строительстве тайного завода! Никто не долбит горы, прагматичные немцы возводят цеха в удобном ущелье!

– Они строят секретный завод! – невольно вырвался крик.

– Ну-ка, дай посмотреть на то, что ты увидел! – Моряк бесцеремонно оттолкнул Олега.

В горах был только комплекс цехов по строительству ракет «ФАУ-1», который впоследствии перешел на выпуск «ФАУ-2». По кинофильмам это известно каждому, а что дальше? Олег аккуратно высунулся поверх начальственного плеча и еще раз осмотрел мост и строительную площадку в тупике. Нет, в голове никаких мыслей, как и воспоминаний. О каких-либо тайных операциях советской разведки он никогда не слышал.

Сделав несколько шагов назад, он устроился на камне и вспомнил рассказ профессора с кафедры авиационных двигателей. В начале войны правительство дало указание срочно создать высотный сверхскоростной истребитель. О немецких «ФАУ» тогда еще не слышали, и конструкторы опирались на возможности наших корифеев авиационного двигателестроения. Конкурс выиграло КБ Сухого, построив самолет «Су-5», а перед появлением «ФАУ-2» прошел государственные испытания «Су-7». Самолеты получились весьма оригинальными. Конструктор добавил к обычному двигателю ускоритель, что давало возможность сбивать ракеты на подлете.

Отсюда вывод – знал Генштаб о возможной угрозе и заранее принял меры по перехвату. Эскадрилью «Су-5» передали в ПВО Москвы, после чего производство свернули. «Су-7» дальше опытного образца не пошел. Ко времени появления ракет расстояние от столицы до линии фронта превышало радиус действия «ФАУ-2».

Двигатели свободнопоршневой группы (СПГ) появились в начале двадцатого века, но из-за сложной кинематики распространения не получили. В начале тридцатых годов конструктор Холщевников убрал механический привод и получил оригинальный реактивный двигатель. Именно его и поставили на самолет «Су-5». На «ФАУ-1» немцы поступили аналогично, англичане с американцами не додумались до комбинированной силовой установки и пытались создать истребитель только с двигателем СПГ.

На самолете «Су-7» в качестве разгонной силовой установки использовали созданный в тридцать седьмом году турбореактивный двигатель Глушко. Все хорошо, да авиационный бензин прожигал камеры сгорания, что вынуждало запускать его лишь на короткий промежуток времени. Турбина фирмы «Роллс-Ройс» работала на керосине, а поставить ее на самолет догадались только в Советском Союзе.

Они высадились для выполнения никому не нужного задания, к такому выводу пришел Олег. «ФАУ» показали себя абсолютно бесполезным оружием, и главной причиной являлось отсутствие систем наведения. Немецкие конструкторы долго пытались что-либо придумать, но ничего путного не изобрели. В Советском Союзе нашли более простой путь. Создав крылатые ракеты с двигателями Холщевникова, они установили систему курсоуказания от обычной тор-

педы. Но пуски по Берлину с самолетов «Пе-8» показали значительный разброс, и генштаб отказался от бесполезной траты средств.

– Ну что, студент, взорвешь мост? – отойдя от расщелины, спросил Моряк.

– Взрывчатки нет. Арка под мостом с опорой на дно ущелья, такую конструкцию надо рвать в нескольких местах, – ответил Олег.

– Ста килограмм хватит?

– Достаточно и полусотни, только как заряды заложить? Мост с подходами открыт со всех сторон, охрана издали заметит.

– У нас два пулемета, остальные с автоматами, – напомнил Моряк. – Ребята немцев прижмут, а ты быстренько сделаешь свое дело.

Предложение Олегу не понравилось. Мало того, что строящийся завод никому не угрожает, так еще ради его подрыва есть риск потерять нескольких друзей. Немного подумав, он предложил свой вариант:

– Надо дождаться ночи. В темноте залезу на мост и найду места креплений силовых узлов.

– Договорились! – Моряк по-дружески похлопал Олега по плечу. – Мы с радистом пойдем дальше, а ты готовься к подрыву.

Лезть в потемках на мост очень не хотелось. Во-первых, мешала мысль о бесполезности задуманной в Москве затеи. Программа создания ядерного оружия сейчас существует лишь в Советском Союзе. Обогащение плутония началось в тридцать седьмом году, в начале сорокового Политбюро приняло постановление о «Создании атомного боеприпаса на основе использования цепной реакции самопроизвольного деления критической массы урана-235». Куратором программы назначили Кагановича, а непосредственным руководителем – академика Хлопина.

В конце сорок третьего к испытанию подготовили первый образец, но Политбюро заморозило проект. По данным разведки, американцы уже попытались взорвать свою бомбу и вместо цепной реакции получили пшик, заряд разлетелся мелкой пудрой. От советских ученых потребовали разработать научную теорию активации ядерного взрыва. В Штатах продолжили практические опыты и додумались засунуть атомную начинку в ствол морской пушки. Встречный двусторонний выстрел дал результат, и люди впервые увидели смертоносный гриб. Советские ученые закончили теоретические работы, и мир узнал о «кузькиной матери».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.